

На правах рукописи

Гончаров Юрий Михайлович

**Городская семья Сибири
второй половины XIX–начала XX вв.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Томск – 2003

I. Общая характеристика работы

Актуальность и научная значимость исследования. На протяжении столетий семья является самым прочным звеном общества и наиболее эффективным средством, с помощью которого сохраняется и передается культура народа. Как пишет известный историк Б.Н. Миронов, “история материализуется в национальных традициях и стереотипах поведения. Их хранительницей является семья. Подобно хромосоме именно она – носительница социальной наследственности, которая в нашей жизни играет не меньшую роль, чем наследственность биологическая”¹. Национальные традиции, менталитет фиксируются в межличностных отношениях в семье, в стереотипах поведения взрослых и от них передаются ребенку. Семья – своего рода социальный микрокосм: ее структура представляет собой микромодель большого общества. В ней в миниатюре заключается вся гамма общественных отношений. Социальные, экономические, политические отношения в обществе моделируются человеком по образу и подобию межличностных семейных отношений.

Семья является важным социальным институтом, первичной ячейкой общества, сопряженной с ним многочисленными и многообразными связями. Семья как подсистема общества, кроме прочих, выполняет также специфические функции по рождению, содержанию и социализации новых поколений, а потому считается одним из важнейших объектов социальных наук. Семья неизбежно, так или иначе, отражает изменения, происходящие в обществе, и, пожалуй, не менее, чем другие области человеческой жизнедеятельности, изменяется сама со всеми своими отношениями и исторически сложившимися порядками. Ее изучение позволяет проследить механизм взаимодействия и взаимовлияния семьи и общества, вследствие этого семейная организация общества представляет большой интерес для историков.

Увеличение в последние годы числа исследований по истории семьи обусловлено важностью этого института в социальной жизни общества. Одна из причин роста внимания к истории брачно-семейных отношений связана с усилением интереса к современной семье. Сложные, неоднозначные проблемы наших дней делают актуальными исследования по исторической фамилистике.

Объектом исследования является семья горожан Сибири. Семья понимается нами как основанное на браке, кровном родстве и свойстве объединение людей, проживающих совместно, связанных общностью быта и взаимной ответственностью. Важным моментом является соотношение понятий “семья” и “домохозяйство”. В отличие от семьи отношения родства и свойства между членами одного домохозяйства не обязательны: оно может также включать жильцов, прислугу, призреваемых и др., а также состоять из одного человека, живущего самостоятельно. В центре нашего внимания стоит прежде всего семья, однако там, где это необходимо (например, при исследовании семейной экономики) и позволяют источники, рассматривается также и домохозяйство горожан. Различие семьи и семейного домохозяйства очевидно, так же, как и их принципиальная связь, кроме того, важно учитывать, что в большинстве случаев семья и домохозяйство в среде горожан совпадали.

Предметом исследования являются демографические и социально-экономические процессы, протекавшие в семье горожан, эволюция института семьи в русском провинциальном городе.

В данной работе семья изучается прежде всего в сословном разрезе, т.е. основное внимание уделяется сословной специфике семейного строя горожан. Изучение семьи различных социальных и профессиональных категорий населения, активно формировавшихся в начале XX в. (приказчики, рабочие, интеллигенция) требует специального исследования с привлечением дополнительного круга источников. В силу этого в диссертации характеристике черт семейного строя данных групп населения уделено меньшее внимание. Отдельной проблемой является также изучение семьи ссыльных – довольно значительной категории горожан Сибири. Эта проблема также требует обращения к новым источникам и заслуживает специальной работы.

Хронологические рамки исследования: середина XIX в. – 1917 г. Выделять в качестве рубежа начало 1860-х гг. стало традицией в отечественной историографии. В эти годы Сибирь, как и страна в целом, вступает в новый период развития. Великие реформы 60–70-х гг. XIX в. обусловили значительные изменения во всех сферах жизни общества. Сибирь становится объектом массовых миграций, постоянно увеличивается приток населения в города, претерпевают изменения экономические, правовые, социокультурные основы жизнедеятельности населения, что не могло не сказаться на брачно-семейных отношениях. Верхняя граница исследования – Октябрьская революция, осуществившая тотальное преобразование всех сфер жизни общества.

Территориальные границы исследования охватывают Западную Сибирь в административных границах Томской и Тобольской губерний, а также Омского уезда Акмолинской области.

---

¹ Миронов Б.Н. Семья: нужно ли оглядываться в прошлое? // В человеческом измерении. М., 1989. С. 226.

На территории Западной Сибири в рассматриваемый период существовал ряд малых, средних и крупных городов. Число городов постоянно увеличивалось. Если в 1860-х гг. здесь насчитывалось 19 городов, то в 1917 г. – уже 26. Изменялось и соотношение малых, средних и больших городов. Регион исследования представляет значительный интерес, поскольку в указанный период являлся районом интенсивной колонизации и быстрого роста городского населения. В связи с этим демография региона имела существенные особенности. Эти особенности также были связаны, по выражению В.А. Зверева, “со специфическим местом Сибири в России: частично русской, частично национальной окраины, колонии в экономическом смысле, района преимущественного развития капитализма вширь”¹.

Цель и задачи исследования. Цель работы состоит в комплексном изучении социального развития семьи сибирских горожан. Для ее осуществления необходимо решить ряд взаимосвязанных задач. Рассмотрение семейного строя горожан подразумевает реконструкцию системы взаимоотношений, включающей правовые, демографические, экономические, межличностные связи, а также брачные традиции как основу формирования семьи.

Анализ брачно-семейного законодательства Российской империи необходим в силу важности правовой сферы в жизни семьи, а также из-за слабой изученности семейного права периода империи в современной отечественной историографии.

Важной задачей является изучение городского населения региона, а именно его социально-правового положения, источников и особенностей формирования, численности и состава населения городов. Все эти моменты имеют большое значение для исследования истории семьи в силу значительной специфики брачно-семейных отношений у различных социальных, национальных, конфессиональных групп населения.

Одной из центральных задач диссертационной работы является изучение демографического развития городской семьи. Анализ структурно-количественных характеристик семей горожан региона позволяет выявить основные демографические процессы, протекавшие в семьях горожан и оценить социальную эволюцию семьи в русском провинциальном пореформенном городе.

Большое значение экономических функций семьи, являющейся первичной экономической ячейкой общества, придает важность анализу семейной экономики и семейного хозяйства. Необходимость изучения семейной экономики продиктована тесной связью экономических, социальных и демографических процессов в общей эволюции семьи. При изучении семейной экономики рассматриваются занятия и доходы горожан, а также хозяйство семьи и семейный бюджет.

Следующая задача – исследование внутрисемейных отношений в их взаимосвязи с экономическими, демографическими и социокультурными процессами, протекавшими в городах региона.

Рассмотрение источников и историографии проблемы можно признать отдельной крупной задачей исследования в силу обширности и разнообразия существующих источников, а также широкого круга литературы, связанной с данной проблематикой. По этой причине рассмотрение историографии и источников по теме вынесено в первую главу работы.

Методологические проблемы исследования. Семья – объект исследования многих наук. В силу своей универсальности и многоаспектности семья привлекала и привлекает ученых широкого круга специальностей, которые, рассматривая различные стороны семьи, выдвигали разнообразные теоретические объяснения ее функционирования. В последние годы, с ростом междисциплинарных исследований, возникают идеи создания отдельной научной дисциплины – *фамилистики* – как воплощения полидисциплинарного, системного подхода к семье. Тем не менее до сих пор не существует каких-либо общепринятых теорий эволюции семьи как социального института.

Попытки осмыслить семью как один из важнейших социальных институтов общества имеют давнюю традицию. Еще в XIX в. появились работы, авторы которых рассматривали историческое развитие семьи (труды Л.Г. Моргана, Ф. Энгельса, М.Ю. Ковалевского, П.А. Сорокина и др.).

Активный всплеск исследований по истории семьи на Западе, начавшийся в 1960-х гг., совпал с формированием новой философии истории, нового междисциплинарного подхода. “Новая научная история” дала жизнь многим темам: истории семьи, истории частной жизни, истории сексуальности и т.д. В результате исследований последних десятилетий семья предстала перед историками как своеобразный перекресток социальных, экономических, политических и собственно демографических процессов и сама стала рассматриваться как “процесс”².

---

¹ Зверев В.А. Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма (историко-демографический анализ). Новосибирск, 1991. С. 11.

² Hareven T. The Family is Process: The Historical Study of the Family Circle // Journal of Social History. 1974. № 7. P. 95–97.

В отечественной науке, как было отмечено М.Г. Муравьевой, одной из наиболее острых проблем “является создание собственной методологической базы изучения брака и семьи в исторической перспективе”¹.

В последние годы в отечественной историографии появились крупные работы, рассматривающие социальную историю России последних трех столетий в свете теории модернизации. Под модернизацией в исторической литературе понимается переход от традиционного общества к современному. Из исторического опыта западноевропейских стран выделяется ряд существенных признаков модернизма: возникновение современной личности, утверждение светской системы ценностей, индустриальный и урбанистический образ жизни, гражданское общество, рыночная экономика, складывание нации и т.д. В соответствии с этой теорией формирование малой демократической семьи с полным равенством супругов, родителей и детей как единственной формы семейной жизни стало одним из существенных признаков модернизации.

Обобщающие работы Б.Н. Миронова и А.Г. Вишневого являются примером возможности использования модернизационной теории при изучении социальной истории семьи². Попыткой осуществить подобное исследование в региональном аспекте и является данная работа.

Если же говорить о методике или технике исследования, то в работе использовались ставшие уже традиционными количественные методы исторического исследования, в частности, широко применяемые в статистике и демографии методы статистического (формально-количественного анализа): методы построения динамических рядов, типологических, факторных и структурных группировок, метод средних величин. При создании компьютерных баз данных употреблялись специальные методы информатики и технологии баз данных. Статистические подсчеты дополняются и корректируются содержательным анализом ситуации с применением как общенаучных, так и собственно исторических методов исследования: историко-генетического, историко-системного, историко-сравнительного, историко-типологического и методов диахронного анализа социально-демографической реальности.

Научная новизна исследования заключается в том, что данная диссертация является первой работой такого уровня в отечественной историографии, специально посвященной истории городской семьи в русском пореформенном городе. Значительная часть использованных источников впервые вводится в научный оборот. Новизна источниковой базы определяется также созданием и применением компьютерных баз данных для ретроспективного демографического анализа семьи. Многие проблемы, затрагиваемые в диссертации, поднимаются впервые, в частности, проблемы брачно-семейного законодательства Российской империи, демографических процессов в городской семье, семейной экономики.

Практическую значимость диссертации определяют содержащиеся в ней фактические и оценочные данные, которые могут найти применение в процессе научной разработки проблем региональной и общероссийской социальной истории, подготовке обобщающих работ, в лекционных курсах и краеведческих исследованиях. Прделанная работа дает возможность создания достаточно полной и научно обоснованной картины социального развития семьи в русском провинциальном пореформенном городе на примере значительного региона. Структура работы может рассматриваться в качестве “модели” для изучения сходных процессов в других регионах страны, а также для изучения общих закономерностей развития брачно-семейных отношений. Материалы работы могут быть использованы при выработке региональной политики при решении сложных, неоднозначных проблем современной семьи.

Структура диссертации отражает специфику изучаемой темы, определяется целями и задачами исследования, методами и приемами анализа фактического материала. Работа состоит из введения, шести глав (15 параграфов), заключения, списка источников и литературы, приложений, списка сокращений. Объем диссертации составляет 466 страниц. В текстовой части работы помещены 46 таблиц и 10 рисунков. Приложения состоят из одной схемы и 37 таблиц, в которые сведены статистические материалы.

II. Основное содержание диссертации

Во введении обосновывается научная значимость и актуальность темы, определяются предмет и объект исследования, территориальные и хронологические рамки, обосновываются цели и задачи, методологические подходы и методика исследования, раскрывается научная новизна полученных результатов.

Первая глава работы “Историография и источники” содержит три параграфа. Первый параграф посвящен историографическому анализу использованной научной литературы. Изучение семьи в российской историографии имеет давние традиции. Активное изучение русской, прежде всего крестьянской, семьи развернулось в отечественной науке со второй половины XIX в., что было связано с особой актуальностью

¹ Муравьева М.Г. История брака и семьи: западный опыт и отечественная историография // Семья в ракурсе социального знания. Барнаул, 2001. С. 5.

² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). Т. 1–2. СПб., 1999; Вишевский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

аграрного вопроса во время подготовки и проведения реформы 1861 г. В ряду важнейших дискуссионных вопросов в русской историографии этого периода стояла проблема “разложения” “большой патриархальной семьи”.

Из многочисленных работ правоведов конца XIX–начала XX в., посвященных семейному праву, выделяются труды С.П. Григоровского, М.Ф. Владимирского-Буданова, А.И. Загоровского. Проблемы социальной истории семьи, прежде всего городской, впервые были на серьезном для того времени научном уровне поставлены в работе известного социолога П.А. Сорокина “Кризис современной семьи”¹.

В целом для дореволюционной историографии был характерен сугубо описательный и публицистический уклон. Исследователи проводили различные статистические обследования, но осмысление накапливаемых фактов было недостаточным. Методология работ не предусматривала глубокого анализа взаимосвязи семьи и “большого” общества.

Особое место в дореволюционной отечественной историографии занимают марксистские работы. В частности, В.И. Ленин в работе “Развитие капитализма в России” развил характерные для марксистской традиции положения о решающем влиянии социально-экономических факторов на развитие семьи и семейного домохозяйства; о семье как “микроячейке”, в которой в основных чертах воспроизводятся отношения, характерные для большого общества на данной стадии его развития; о взаимосвязи состава семьи, конфигурации сфер ее хозяйственной деятельности, типа внутрисемейных отношений и места домохозяйства в социальной структуре; о господстве при капитализме семейных отношений, основанных на эксплуатации членов домохозяйства его главой; о “загнивании” семейных отношений при капитализме.

В дореволюционной отечественной историографии города Сибири второй половины XIX–начала XX в. получили частичное освещение. В работах содержится солидный фактический материал по городам, описание различных сторон городской жизни. Впервые на региональные особенности развития сибирских городов обратил внимание П.А. Словцов в “Историческом обозрении Сибири” (СПб., 1886). Он оказал влияние на таких историков, как Н.А. Абрамов, К.М. Голодников, А.П. Щапов, Д.И. Завалишин.

Работы авторов, которых в советской историографии были принято относить к официально-правительственному направлению, а именно К. Голодникова, Н. Кострова, Н. Турчанинова, Н. Путинцева, были написаны в связи с их служебной деятельностью. Главным источником для их работ служили данные официальной статистики, сведения городских переписей, собственные наблюдения. Цель этих работ – дать фактическую сводку о состоянии экономики и населения Западной Сибири, что обусловило в определенной степени их описательность, отказ от сопоставления и анализа фактического материала. Большой фактический материал, содержащийся в данных работах, позволяет их рассматривать также в качестве источников.

Областники (Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, С.С. Шашков) отражали в своих исследованиях различные стороны развития городов Сибири, старались выявить особенности семейной жизни и быта сибиряков-старожилов, зачастую преувеличивая их и недооценивая нивелирующее влияние переселений.

В отечественной исторической науке начала XX в. обозначилась необходимость серьезного перелома, что было обусловлено большим фактическим материалом, накопленным по истории сибирских городов. Ряд дореволюционных ученых сделали значительный шаг в разработке теоретических проблем истории города, в Сибири выпускаются тематические сборники, составляются исторические городские хроники.

Названными авторами не исчерпывается круг дореволюционных исследователей, оставивших свой след в изучении истории сибирского города. Однако большинство дореволюционных публикаций представляет собой довольно поверхностные очерки экономической или общественно-политической жизни городов, основанные на ограниченной документальной базе. Тема городской семьи фактически не затрагивалась. Тем не менее некоторые аспекты темы находили освещение в работах исследователей. В этот период шло накопление и обобщение архивных документов и личных наблюдений.

В 1920–1950-е гг. работы, посвященные истории Сибири пореформенного периода, затрагивали лишь отдельные аспекты истории городов и нередко носили популяризаторский или пропагандистский характер. Невысокий уровень знаний этого периода по городоведению отразила четырехтомная “Сибирская советская энциклопедия” (Новосибирск, 1929–1932).

С середины 1950-х гг. начинается новый этап советской историографии, формируются новые подходы к исследованию, расширяется источниковая база, повышается уровень научных работ. В это время возникают несколько направлений и в сибирском городоведении: собственно историческое, экономико-географическое, историко-архитектурное, что заложило базу для того, чтобы в дальнейшем выработать междисциплинарный подход к проблеме изучения города. Уровень изученности многих проблем региональной истории продемонстрировали соответствующие главы пятитомной “Истории Сибири” (Л., 1968). И хотя история городов региона на страницах “Истории Сибири” не нашла всестороннего отражения, однако подготовка этого издания в значительной степени активизировала изучение региональной истории в целом и сибирского города в частности.

¹ Сорокин П. Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. 1916. № 2–3.

В 70–80-х гг. прошлого века появляется ряд работ, посвященных социально-экономическому развитию отдельных городов Сибири, их истории в целом¹. В эти годы исследователи обращались к различным сюжетам истории городов и городского населения региона. Большой вклад в изучении сибирского города внес В.А. Скубневский, который исследовал различные аспекты истории сибирских городов конца XIX–начала XX в.²

Население городов, семейные аспекты городского быта изучались также в русле этнографических исследований русского города на материалах европейской части страны. Так, М.Г. Рабинович в книге “Очерки этнографии русского феодального города” (М., 1978) среди прочих вопросов рассмотрел бытовавшие среди городского населения формы семьи, Л.А. Анохина и М.Н. Шмелева в монографии “Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем” (М., 1977) рассмотрели особенности семейного быта горожан. Г.В. Жирнова в своей работе “Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем” (М., 1980) обратила внимание на специфику свадебных обрядов горожан, а также остановилась на возрасте вступления в брак и разнице в возрасте супругов в среде городских сословий. В работе В.Ю. Крупянской и Н.С. Полищук “Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX–начало XX в.)” (М., 1971) в числе прочих аспектов рассмотрена и семья рабочих.

Труды этнографов внесли весомый вклад в изучение темы, но далеко не исчерпали ее. В целом отечественными этнографами был накоплен определенный опыт в изучении городского населения: определены основные источники, методы и подходы, создано достаточно четкое представление о характерных чертах быта и культуры горожан. Вместе с тем городская проблематика все еще остается сравнительно новой областью этнографической науки.

Н.А. Миненко впервые среди исследователей поставила вопрос о необходимости изучения городской семьи в Сибири. В своей статье, посвященной семьям горожан региона на рубеже XVII–XVIII в., исследователь отмечала, что реконструкция семейного быта предполагает рассмотрение структуры и численности семьи, функции семьи, хозяйственный строй, взаимоотношение с другими группами и институтами, закономерности развития, семейную обрядность и семейное право³.

В советские годы историками и этнографами активно исследовались крестьянская семья и семейное домохозяйство крестьян Сибири. Усилиями В.А. Александрова, З.Я. Бояршиновой, И.В. Власовой, М.М. Громыко, Н.А. Миненко, М.В. Борисенко и других сибирская крестьянская семья исследована лучше, чем в других регионах страны.

В последние годы активно занимаются исследованиями семьи и домохозяйства крестьян Сибири специалисты по социально-экономической истории. Е.И. Соловьева проанализировала изменения людности и структуры семейного крестьянского домохозяйства во второй половине XIX в. Она пришла к выводам о сокращении людности хозяйства и состава семьи под влиянием развития капитализма, о начавшемся нивелировании демографических структур в различных регионах и сословных группах крестьянства⁴.

Наибольший вклад в изучение крестьянской семьи Сибири второй половины XIX–начала XX в. внес В.А. Зверев. В ряде статей и монографий историк рассмотрел широкий спектр проблем истории крестьянского домохозяйства региона⁵. Он подробно исследовал такие проблемы, как людность, поколенная и половозрастная структура крестьянского домохозяйства, состав рабочей силы, внутрисемейные отношения, трудовое воспитание в крестьянской семье, народный демографический календарь. Работы В.А. Зверева имеют большое значение для нашего исследования как образец методологических подходов и приемов при изучении различных сторон истории семьи.

Большой круг литературы существует по проблемам истории рабочего класса Сибири. Эта литература также важна для нашей темы, поскольку в ней рассмотрены экономическое положение рабочих в городах Сибири, структура занятости, уровень их доходов и семейные бюджеты⁶.

¹ Тужиков В.И. Кузнецк в пореформенную эпоху (1861–1900 гг.) // Новокузнецк в прошлом и настоящем. Новокузнецк, 1971. С. 34–41; Юрасова М.К. Омск: Очерки истории города. Омск, 1972; Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Цепляев Л.Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX–начало XX вв.). Новосибирск, 1978 и др.

² Скубневский В.А. Социально-экономическое развитие города Барнаула в период капитализма (1861–1914): Автореф. дис... к.и.н. Томск, 1971; Он же. Города Алтая – центры торговли // Города Алтая. Барнаул, 1986. С. 135–149; Он же. Грамотность городского населения Сибири // Актуальные проблемы социологии, психологии и социальной работы. Вып. 3. Барнаул, 1994. С. 242–248 и др.

³ Миненко Н.А. Городская семья Западной Сибири на рубеже XVII–XVIII вв. // История городов Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1977. С. 175.

⁴ Соловьева Е.И. Численность и структура русской крестьянской семьи во второй половине XIX в. // Хозяйственное освоение Сибири и рост ее народонаселения (XVIII–XX вв.). Новосибирск, 1979. С. 126–140.

⁵ См.: Зверев Владимир Александрович. 35 лет педагогической и научной деятельности: Биография и библиографический указатель. Новосибирск, 2001.

⁶ Зольников Д.М. Рабочее движение в Сибири в 1917 г. Новосибирск, 1969; Зиновьев В.П. К вопросу об экономическом положении горнорабочих Сибири (1896–1914 годы) // Из истории Сибири. Вып. 8. Томск, 1973; Земеров Б.И. Динамика номинальной заработной платы железнодорожников Сибири (1900–1917 гг.) // Рабочие Сибири в период капитализма. Томск, 1976; Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982; Скубневский В.А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е гг. XIX в.–февраль 1917 г.). Томск, 1991 и др.

Серьезное место в сибирской тематике занимает исследование городской буржуазии, прежде всего купечества региона. Среди сибиреведов весьма значительный вклад в разработку данной проблематики внес Г.Х. Рабинович, главной темой исследования которого являлась именно история сибирской буржуазии. Итоги работы ученого были обобщены в его докторской диссертации и монографии “Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX–начала XX вв.” (Томск, 1975), получившей высокую оценку в нашей стране и за рубежом.

В 90-е гг. прошлого века интерес к истории сибирского купечества значительно усилился. Автором ряда интересных работ этих лет, посвященных сибирскому купечеству, является В.П. Бойко. Особо можно выделить его монографию “Томское купечество в конце XVIII–XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии” (Томск, 1996). В ней анализируются динамика численности, социальный, национальный и отраслевой состав томского купечества, его социально-психологический облик, быт и менталитет. Крупнейшим центром изучения буржуазии, купечества, предпринимательства дореволюционной Сибири становится в эти годы Барнаул. Здесь под руководством профессора В.А. Скубневского сложилась научная школа, занимающаяся разработкой данной проблематики (В.Н. Разгон, А.В. Старцев, А.М. Мариупольский и др.).

Среди социальных групп дореволюционной России большое внимание исследователей привлекали чиновники. В советский период наибольший вклад в эту проблематику внес П.А. Зайончковский. В последние годы чиновничество изучается и сибиреведами¹. Изучение сибирского чиновничества стало главной темой научного творчества Н.П. Матхановой². В то же время некоторые значительные слои городского населения (мещанство, военные, интеллигенция) долгие годы оказывались вне внимания исследователей и только начинают становиться предметом специального изучения, в том числе и на материалах Сибири³.

Существует значительный круг работ, посвященных истории народонаселения Сибири. Вопросы динамики численности и состава городского населения дореформенной Сибири рассматривались в русле демографического и социального изучения городов. Здесь можно отметить работы А.Р. Ивонина, В.М. Кабузана, В.В. Рабцевич, Д.Я. Резуна, М.Г. Рутц, С.И. Троицкого, В.П. Шахерова, В.П. Шпалтакова.

Заслуживает особого внимания монография А.Р. Ивонина “Западносибирский город последней четверти XVIII–60-х гг. XIX в. (Опыт историко-демографического исследования)” (Барнаул, 2000). В монографии на основе анализа широкого круга статистических источников и материалов учета населения предпринята попытка изучения специфики социально-демографических процессов в городах Западной Сибири дореформенной эпохи.

Проблемы истории семьи горожан Сибири дореформенного периода также не остались без внимания исследователей. В ряде статей и кандидатской диссертации Е.А. Зуевой были исследованы вопросы численности и структуры русской купеческой семьи Сибири, институт опеки и попечительства в купеческой среде, внутрисемейные отношения гильдейцев⁴.

Существует уже достаточно широкий круг литературы, специально посвященной населению городов региона во второй половине XIX–начала XX в.⁵ В этих работах исследованы динамика численности, национальный, сословный, классовый состав населения, структура занятости, демографические процессы в отдельных городах Западной Сибири. Активно изучалось переселенческое движение в Сибирь и его роль в формировании населения региона. Л.М. Горюшкин и В.И. Пронин дали характеристику основных параметров демографической обстановки в городах региона и ее эволюции на протяжении пореформенного периода⁶. В наши дни историки поставили задачу комплексного изучения опыта социально-демографического развития Сибири. Одним из этапов выполнения этой задачи стала коллективная монография “Население

---

¹ Маркова И.Б. Досуг сибирских чиновников в первой половине XIX в. // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII–начала XX в. Новосибирск, 1985; Козельчук Т.В. Социальная структура чиновничества Тобольской губернии во второй половине XIX–начале XX в. // Социально-экономические отношения в Сибири и на Урале во второй половине XIX–XX вв. Курган, 2002. С. 61–71 и др.

² Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири. Новосибирск, 1998; Она же. Положение русского провинциального чиновничества в середине XIX века: закон и жизнь // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 2. С. 13–17 и др.

³ Останина Л.В. Мещанство Западной Сибири в конце XVIII–60-х гг. XIX в.: Автореф. дис... к.и.н. М., 1996; Некрылов С.А. Профессорско-преподавательский корпус Императорского Томского университета (1888–февраль 1917 гг.): Автореф. дис... к.и.н. Томск, 1999; Гефнер О.Ф. Военные в социокультурном пространстве малых городов Западной Сибири и Степного края (конец XIX–начало XX в.) // Городская культура Сибири. Омск, 2001. С. 180–183 и др.

⁴ Зуева Е.А. Вопросы общественно-семейного быта сибирского купечества XVIII–середины XIX в. в работах советских исследователей // Изучение Сибири в советскую эпоху. Новосибирск, 1987. С. 142–147; Она же. Русская купеческая семья в Сибири конца XVIII–первой половины XIX в.: Дис... к.и.н. Новосибирск, 1992 и др.

⁵ Колесников А.Д. Рост, сословный состав и занятость населения дореволюционного Омска // История городов Сибири. Новосибирск, 1977. С. 231–252; Дмитриенко Н.М. О социальном составе населения Томска (конец XIX в.–1917 г.) // Рабочие Сибири в конце XIX–начале XX вв. Томск, 1980. С. 134–154; Коновалов И.А. Изменения в социальной структуре населения Омска в конце XIX–начале XX вв. // Омск, XX век (вехи истории): Краеведческий сборник. Омск, 2001. С. 7–20 и др.

⁶ Горюшкин Л.М. К характеристике народонаселения Сибири периода империализма // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1975. С. 75–89; Пронин В.И. Население Сибири за 50 лет (1863–1913 гг.) // История СССР. 1981. № 4. С. 50–69 и др.

Западной Сибири в XX веке” (Новосибирск, 1997), в которой предпринята попытка комплексного анализа развития населения региона на протяжении столетия.

Одной из наиболее значительных работ последних лет, посвященных истории отдельных городов региона, безусловно, является монография Н.М. Дмитриенко “Сибирский город Томск” (Томск, 2000). В монографии на обширной источниковой базе исследованы основные направления развития крупного сибирского города: управление, население, экономическая жизнь, социальные отношения. Монография является также удачным примером применения новых для отечественной науки методологических подходов, что проявилось, в частности, в использовании теоретических достижений социальной истории, плодотворном применении локального подхода, попытке переосмыслить некоторые парадигмы советской исторической науки, в том числе жесткую периодизацию отечественной истории XIX–XX вв.

Историографическая ситуация последних лет привела к расширению проблематики социальных наук в России. Одним из наиболее бурно развивающихся направлений в наши дни являются женские и гендерные исследования. В работах этого направления затрагиваются многие проблемы брачно-семейных отношений, в том числе и в историческом аспекте. Среди исследований по данной проблематике в современной отечественной историографии значительное место принадлежит работам Н.Л. Пушкаревой по истории русской женщины.

В числе активно развивающихся направлений отечественной исторической науки можно назвать историческую информатику. В рамках этого направления уже накоплен большой опыт по использованию информационных компьютерных технологий в исторических исследованиях, созданию баз данных. Проблемы истории семьи, прежде всего семейной структуры и демографических процессов также затрагивались историками этого направления¹.

Весьма важное значение для разработки темы имеют работы известного историка Б.Н. Миронова, посвященные истории русского города XVIII–первой половины XIX в., а также его источниковедческие, методологические и историографические работы. Особо хотелось бы выделить фундаментальный обобщающий труд “Социальная история России периода империи” (СПб., 1999), являющийся, несомненно, одним из наиболее значительных исторических исследований постсоветского периода. В работе историка, написанной в рамках модернизационного подхода, с использованием новейших достижений мировой исторической науки, определенное место уделено и социальным процессам, протекавшим в семьях горожан России.

Несмотря на то, что, как показывает историографический обзор, в существующей исторической литературе затронуты различные проблемы, имеющие отношения к раскрытию темы диссертации, необходимо признать, что тема городской семьи XIX–начала XX в. в отечественной историографии остается до сих пор практически неизученной, не только на материалах Западно-Сибирского региона, но и по России в целом. Существует немного работ, специально посвященных данной проблематике, в частности, исследования, в которых анализируются брачно-семейные отношения некоторых сословных (купечество) и национальных (евреи, поляки) групп городского населения Сибири².

Отдельные аспекты демографического развития городской семьи Западной Сибири рассматривались в ряде статей и докторской диссертации А.Н. Сагайдачного³. Безусловной заслугой исследователя можно считать применение новых информационных технологий при изучении демографического развития семьи.

При небольшом круге работ, специально посвященных истории городской семьи, довольно важной историографической вехой стал сборник статей “Семья в ракурсе социального знания” (Барнаул, 2001), значительная часть статей которого посвящена именно различным аспектам истории семьи горожан России.

Однако несмотря на слабую изученность истории городской семьи, как показывает даже краткий обзор отечественной литературы, существует весьма обширный круг работ, имеющих значение для раскрытия темы исследования. Историографической базой для изучения темы стали как имеющиеся специальные труды по смежным сюжетам, так и обобщающие сочинения по истории Сибири, сибирских городов и городских сословий.

Среди работ зарубежных авторов определенный интерес представляют исследования по общим вопросам социальной истории России, русскому городу, отдельным сословным группам⁴. Среди проблем, под-

¹ Русина Ю.А., Мазур Л.Н. История семьи: перспективы исследования // ИБ АИК. 1997. № 21. М., 1997. С. 88–90; Антонов Д.Н., Антонова И.А. Восстановление истории семей и компьютер // Компьютер и историческая демография. Барнаул, 2000. С. 107–136 и др.

² Воденикова Л.Г. Зауральское купечество во второй половине XIX–начале XX в. // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Вып. 10. Курган, 1995. С. 27–51; Кальмина Л.В. Еврейская семья восточной Сибири (середина XIX–начало XX в.): опыт историко-демографической характеристики // Семья в ракурсе социального знания. Барнаул, 2001. С. 146–158. Янгель Т.Я. Христианские смешанные браки // Сибирско-польская история и современность: Актуальные вопросы. Иркутск, 2001. С. 176–178.

³ Сагайдачный А.Н. Структура и численность городской семьи Туринска и Ялуторовска Тобольской губернии // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 2. С. 21–25; Он же. Демографические процессы в Западной Сибири во второй половине XIX–начале XX века: Автореф. дис... д.и.н. Новосибирск, 2000.

⁴ Mirsky D.S. Russia: A Social History. London, 1952; Hamm M.F. (ed.). The City in Late Imperial Russia. Bloomington, 1986; Brower D.R. The Russian City between Tradition and Modernity: 1850–1900. Berkeley, 1990; Rieber A.J. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia.

нимавшихся зарубежной историографией, были вопросы внутрисемейных отношений, брачно-семейных моделей различных социальных групп российского общества, численности и структуры семьи, положения женщин и детей в семье, семейного права, семейной идеологии и др.¹ Большинство этих работ ограничены европейской частью страны, преимущественно крупными городами, и написаны на основе небольшого круга источников, в основном – опубликованных статистических данных и мемуарной литературы. Главной задачей этих работ были попытки осмысления и обобщения эволюции семьи в связи развитием российского общества в процессе модернизации. Ответы на поставленные вопросы рассматриваются в работах зарубежных историков в контексте фундаментальных для западной историографии проблем о путях исторического развития России и Запада, о причинах и судьбах русских революций.

Второй параграф *“Источники по истории городской семьи”* посвящен характеристике использованных источников. В зависимости от происхождения, способа использования и формы отражения исторических реалий можно выделить следующие их виды: законодательные акты, делопроизводственная документация, акты учета населения, статистические материалы, справочные издания, материалы личного происхождения (мемуары, дневники, письма), путевые заметки и записки путешественников, материалы периодической печати. Значительная часть использованных источников выявлена впервые и извлечена из центральных и местных архивов.

В Российской империи действовало большое число законодательных актов, связанных с брачно-семейными отношениями. В работе преимущественно использовались акты, опубликованные в Полном собрании законов и в Своде законов Российской империи, а также различные тематические сборники, например: *“Свод законов о состояниях”* (СПб., 1911), *“Полный свод законов для купечества”* (М., 1873) и др.

Большое значение для диссертационной работы имела делопроизводственная документация. Ценную информацию содержат материалы делопроизводства городских магистратур – городских дум и управ. К этой группе относятся купеческие (капитальные) книги, различные посемейные реестры, алфавитные книги домовладельцев, описи имущества, материалы о выдаче горожанам торговых и сословных документов, паспортов, списки избирателей, списки членов городских магистратур, формулярные списки и др. Информация, содержащаяся в этих документах, позволяет исследовать широкий спектр проблем истории городской семьи.

Достаточно представительна группа делопроизводственных материалов государственных учреждений. К этой группе относится разнообразная документация казенных палат, акцизных и полицейских управлений, губернского по городским делам присутствия. Так, в фондах полицейских управлений сохранились различные ведомости и списки: списки купцов, домовладельцев, избирателей, адресные книги и т.д. Ценная информация о сибирских городах содержится в фонде Департамента полиции исполнительной (РГИА, Ф. 1286) и в других фондах РГИА – Присутствия по делам православного духовенства (Ф. 804), Департамента герольдии Сената (Ф. 1349) и др.

Отдельную группу документов составляют материалы сиротских судов. На каждого опекаемого в сиротском суде заводилось отдельное дело, которое велось до конца срока опеки. Материалы сиротских судов содержат информацию о составе семей, системе родственных отношений, внутрисемейных взаимоотношениях, быте семьи и многих других аспектах семейной жизни горожан.

Поскольку основным типологическим показателем семейного строя является количественный и структурно-поколенный состав семьи, то в качестве базовых используются источники, содержащие подробные описания состава семей. Источники такого типа можно выделить в отдельную группу, условно назвав ее *“акты учета населения”*. Ценную информацию дают церковные акты учета населения, к которым относятся исповедные росписи, метрические книги и брачные обыски. К группе актов учета населения можно отнести также обывательские книги, дела о возведении горожан в потомственное почетное гражданство, ревизские сказки.

Значительной группой источников являются статистические материалы. Состав их довольно разнообразен. Данные о динамике численности и состава городского населения, о людности семьи содержатся в широком круге изданий. Ценными источниками можно признать опубликованные материалы Центрального статистического комитета, в частности, серия *“Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.”* (СПб., 1897–1905) и др. Необходимо отметить, что хотя материалы переписи 1897 г. широко ис-

---

Chapel Hill, 1982; Freeze G.L. The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History // *The American Historical Review*. Vol. 91. 1986. P. 11–36; Bradley J. Muzhik and Muscovite. Urbanization in Late Imperial Russia. Berkeley, 1985; Вуртуафтер Э.К. Социальные структуры: различия в Российской империи. М., 2002 и др.

¹ Ransel D.L. (ed.). *The Family in Imperial Russia*. Urbana; Chicago; London, 1976; Plakans A. Family Structure in the Russian Baltic Provinces; *The Nineteenth Century* // Conze W. (ed.). *Sozialgeschichte der Familie in der Neuzeit Europas*. Stuttgart, 1976; Rudolph R.L. Family Structure and Proto-Industrialization in Russia // *The Journal of Economic History*. Vol. 40. 1980; Engel B.A. *Between the Fields and the City. Women, Work and Family in Russia, 1861–1914*. Cambridge, 1994; Wagner W.G. *Marriage, Property, and Low in Late Imperial Russia*. Oxford: Clarendon Press, 1994; Вортман П. Российская императорская фамилия как символ // *Семья в ракурсе социального знания*. Барнаул, 2001. С. 40–64 и др.

пользовались сибиреведами, но первичные документы – непосредственно переписные листы – до сих пор слабо вовлечены в научный оборот. В нашей работе было использовано 1627 переписных листов переписи.

К числу статистических материалов относятся и материалы однодневных городских переписей. Были использованы материалы переписей Омска 1877 г., Тобольска 1882 г., Томска 1866, 1880 и 1912 гг., Барнаула 1895 г., Мариинска 1876 г. Методика проведения переписей была различной, соответственно различался и характер полученных данных.

К статистическим материалам относятся различные ведомости некоторых государственных учреждений: о числе жителей по сословиям, о количестве выбранных гильдейских свидетельств, а также статистические отчеты и описания. Большую ценность представляют архивные материалы губернских статкомитетов и ЦСК (РГИА, Ф. 1290).

Статистические материалы второй половины XIX–начала XX в. имеют значительное число недостатков, которые проявляются как в достоверности, так и в полноте, представительности и сопоставимости источниковой информации. Сведения, имеющиеся в статистической документации, зачастую неточны, неполны и просто несопоставимы как между собой, так и с информацией других видов источников, что нужно учитывать при работе с ними.

Дополнительную информацию дают различные справочные издания, например, “Справочные книжки” и “Обзоры” губерний, адрес-календари, торгово-промышленные календари. Подобные справочники издавались в начале XX в. и по отдельным сибирским городам.

Существенную роль в исследовании играла периодическая печать. В Сибири издавалось довольно большое количество газет, содержащих информацию о разных сторонах жизни горожан. Можно отметить следующие использованные издания: “Жизнь Алтая” (Барнаул, 1911–1916), “Сибирский коммерсант” (Ново-Николаевск, 1910), “Сибирский листок” (Тобольск, 1894–1904). Большой интерес представляют “Губернские ведомости”, издававшиеся в Томске и Тобольске с 1857 г., а также “Акмолинские областные ведомости”, выходившие в Омске. В периодической печати содержится богатый материал по истории сибирского города. Для нас наибольший интерес представляют материалы статистического характера, сведения о быте горожан и т.п.

Документы личного происхождения (мемуары, дневники, письма) содержат важную информацию о семейном быте и внутрисемейных отношениях. Мемуары предоставляют исследователю порой уникальный, почти отсутствующий в других источниках материал, позволяющий обогатить и расширить наши представления о внутреннем мире горожан. Этот вид источников пока еще слабо востребован сибиреведами. В работе были использованы: опубликованные мемуары купца И.В. Кулаева “Под счастливой звездой. Воспоминания” (М., 1999), Е. Авдеевой-Полевой “Записки и замечания о Сибири” (Иркутск, 1990), воспоминания и дневники помощника бийского окружного полицейского исправника Е.П. Клевакина, дневники и письма бийского купца А.Д. Васенева¹ и др. По своему характеру и информационным возможностям к мемуарам достаточно близки и путевые заметки². Личностное начало, свойственное мемуарам, характерно также для многих корреспонденций Русского географического общества, сохранившихся в научном архиве общества в Санкт-Петербурге.

В общей сложности при подготовке диссертации автором были использованы материалы 72 фондов 8 центральных и местных архивов, значительное число опубликованных источников. Использованные источники содержат информацию обо всех сторонах семейной жизни горожан. Информация различных групп документов позволяет восстановить состав и историю семей и дает ценный материал для широкого историко-демографического, экономического и социокультурного изучения городской семьи.

Третий параграф главы “Компьютерные базы данных как комплексные источники” посвящен описанию источников особого типа, какими можно признать электронные базы данных (БД) по народонаселению сибирских городов, созданные для решения конкретных исследовательских задач на основе широкого массива архивных и опубликованных источников. Применение информационных технологий представляет значительные перспективы для изучения истории семьи.

В работе использовались: база данных купеческих семей Западной Сибири второй половины XIX–начала XX в., база данных городских семей Западной Сибири 1857–1915 гг., построенная на материалах исповедных росписей, ревизских сказок X ревизии и переписных листов переписи 1897 г.; а также база данных о браках, заключенных горожанами Тюмени, Тобольска, Барнаула и Бийска в 1871–1912 гг., созданная на основе метрических книг православных церквей и польского костела.

¹ Центр хранения архивного фонда Алтайского края. Ф. 77. Оп. 1. Д. 9, 11, 23–30; *Сибирский купец* А.Д. Васенев. Ч. I: Дневники. Барнаул, 1994. 195 с.; Ч. II: Документы и письма / Сост., вступ. ст., примеч., библиография А.В. Старцева. Барнаул, 1994. 112 с.

² *Белов И.* Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири. М., 1852; *Павлов А.* 3000 верст по рекам Западной Сибири: Очерки и заметки. Тюмень, 1878; *Скалозубов Л.Н.* Из поездок по Тобольской губернии в 1895 г. Тобольск, 1895; *Телешиов Н.* За Урал. Из скитаний по Западной Сибири. М., 1897; *Чехов А.П.* По Сибири. Путевые очерки и письма. Иркутск, 1939 и др.

В базе данных (БД) купеческих семей содержатся сведения о более чем 1300 купеческих семьях Томской и Тобольской губ., (преимущественно по Томску, Барнаулу, Бийску, Мариинску и Тобольску). При этом количество описаний семей (записей в динамических таблицах) составляет более 2200.

База данных городских семей Западной Сибири 1857–1915 гг. содержит описание семей горожан по 16 структурно-количественным характеристикам. На основе каждого используемого источника создавалась отдельная таблица, включающая описания семей конкретного города за конкретный год. БД содержит описания более 6500 семей горожан Тобольска (1787 записей), Барнаула (1753), Бийска (578), Тюмени (478), Тары (337), Ялуторовска (323 записи) и других городов региона.

Для изучения межсословных и внутрисословных брачных связей горожан, а также брачно-возрастных особенностей на основе метрических книг православных церквей и католического костела была создана база данных о браках, заключенных горожанами региона в 1871–1912 гг., которая содержит более 2000 записей о браках, заключенных горожанами Тобольска (608 записей православных, 203 записи католиков), Тюмени (333 записи), Барнаула (321 запись), Бийска (287 записей) и других городов.

Создание компьютерных баз данных городских семей периода капитализма, основанных на большом комплексе разнообразных материалов, ориентированных на историко-демографическое изучение городской семьи, позволило исследовать широкий спектр структурно-количественных характеристик семей: людность, внутреннюю, поколенную и половозрастную структуру в географических и национальных различиях и в исторической динамике, а также решить другие задачи исследования.

Вторая глава работы “*Семья и право*” состоит из трех разделов. В первом параграфе “*Брачное законодательство Российской империи*” рассмотрены законы, регламентировавшие порядок заключения и расторжения брака.

Русское законодательство в отличие от западноевропейского, причисляющего брак к институтам гражданского права, смотрело на брак как на акт по преимуществу религиозный, в силу чего и нормирование его в важнейших вопросах отдавало в руки того вероисповедания, к которому принадлежали супруги.

В нормах, регулировавших установление брака, главными были два вопроса: условия совершения брака и форма совершения брака. Условия для вступления в брак, определяемые законодательством, проистекали из разных причин – юридических, физиологических, этических и религиозных. Одним из главных условий было достижение определенного возраста: 18 лет для мужчин и 16 лет для женщин. После 80 лет вступление в брак запрещалось. Условием для вступления в брак являлось и умственное здоровье. Необходимо было также заручиться согласием родителей, опекунов или попечителей. Значимой правовой нормой, касающейся большого числа населения империи, было требование письменного разрешения начальства на вступление в брак для лиц, состоящих на государственной службе.

Брак не мог быть заключен при существовании предыдущего, не расторгнутого по закону. Это касалось прежде всего лиц христианских вероисповеданий. Что касается браков нехристиан, то российское законодательство регламентировало их в значительно меньшей степени. Поскольку Коран разрешал мусульманам иметь 4-х жен, это допускалось и существовавшим законодательством.

По закону существовали ограничения в числе повторных браков, и брак одним человеком, по прекращении предшествующих, мог быть заключен не более трех раз. Запрещалось вступать в брак родственникам и свойственникам. К числу условий для заключения брака относилось также требование соответствия вероисповедания брачующихся лиц.

Российское законодательство признавало только церковную форму заключения брака, гражданский брак законом не предусматривался. Совершению брака должно было предшествовать так называемое *оглашение*, т.е. оповещение о предстоящем браке. Оглашение имело целью дать возможность заявить о препятствиях к браку всем, знающим о них.

Совершение брака представителей нехристианских религий производилось по правилам их вероисповеданий, при этом как у евреев, так и у мусульман требовалось присутствие при венчании свидетелей, а у мусульман также и оглашение о браке. В особом положении относительно совершения браков находились старообрядцы, которые в законодательстве именовались раскольниками. Их браки регистрировались светскими властями, что было разрешено указом 19 апреля 1874 г. Для регистрации браков раскольников были введены особые метрические книги и особая процедура.

Браки, совершенные с нарушением условий, считались незаконными и не имели правовых последствий. Действительный же брачный союз мог быть прекращен или расторгнут. По учению церкви брак прекращается только физической смертью. Расторжение брака могло быть произведено только “формальным духовным судом” по просьбе одного из супругов. Закон устанавливал, что прекращение брака могло быть осуществлено при наличии одного из строго оговоренных обстоятельств: 1) доказанное прелюбодеяние одного из супругов; 2) неспособность одного из супругов к брачному сожительству; 3) ссылка в Сибирь по решению суда, 4) безвестное отсутствие одного из супругов более 5 лет.

Каждый бракоразводный процесс включал в себя несколько обязательных элементов: подача прошения от имени одного из супругов, предоставление необходимых документов (метрических выписей, письма приходского священника о его попытках “возвратить супругов на путь истинный” и т.д.), официальная клятва на Библии, слушание дела в суде, подтверждение решения от Святейшего Синода, возможность подачи апелляции.

Особым образом регламентировался развод при ссылке. В этом случае, если другой супруг не последовал добровольно за осужденным, он имел право просить свое духовное начальство о расторжении брака. Если супруг следовал за осужденным к месту его ссылки, то терял право на развод.

Поскольку бракоразводное право во многом регулировалось церковными правилами, основания для развода у неправославных были другими, и регламентировались постановлениями соответствующих религиозных организаций.

Второй параграф *“Регламентация внутрисемейных отношений”* посвящен законодательному регламентированию личных и имущественных отношений между членами семьи. Законодательство Российской империи устанавливало систему властных отношений в семье. Согласно духу и букве закона семейного права, муж обладал практически абсолютной властью над своей женой, а родители – над детьми. Из главенства мужа вытекало и положение закона об обязанности жены жить вместе с мужем. Жена была обязана всюду следовать за мужем, и суд мог принудить ее к этому. Нарушившая супружескую верность жена могла быть подвергнута тюремному заключению. Фактически право не защищало женщину от физического насилия со стороны мужа, если дело не доходило до нанесения тяжких телесных повреждений. Содержавшаяся в Своде законов характеристика власти мужа как “неограниченной” вызвала резкую критику современников, отмечавших, что оно идет вразрез с развитием законодательства.

Однако было бы неправильно рассматривать правовое положение женщины как полностью бесправное. Не будучи равными между собою в отношениях друг с другом, муж и жена пользовались равенством в своих отношениях к детям и обществу.

Более четко были регламентированы имущественные отношения супругов. Традицией русского права являлось обладание женщиной самостоятельной собственностью. Имущественные отношения между супругами были построены по принципу раздельности имущества, и заключение брака не влекло за собой установления его общности.

Большое внимание Свод законов уделял регламентированию отношений между родителями и детьми. Родительская власть практически ничем не была ограничена, долг по отношению к детям, который упоминался в законе, являлся долгом моральным, и из него не вытекало никаких исковых прав для детей. Родительская власть простиралась на детей обоего пола “и всякого возраста”. Она не прекращалась, а только ограничивалась поступлением детей в учебное заведение, на службу или вступление в брак. Важным моментом было то, что в русском праве родительская власть традиционно имела двойственный характер, т.е. ею обладали и отец, и мать в равной степени. Регулируя юридическими нормами отношения между родителями и детьми, право делало различие между законнорожденными и незаконнорожденными детьми.

Большинство современников достаточно критично оценивали брачно-семейное законодательство Российской империи. Общественный подъем в России в 1850-1860-х гг. способствовал тому, что в прессе развернулась критика семейного права. Под влиянием требований общественности была предпринята попытка создания нового Гражданского кодекса, который обеспечивал правовое равенство всех членов семьи, защищал их права, не устраняя общих обязательств перед семьей как единым целым. Однако новый либеральный кодекс так и не был принят.

Третий параграф *“Опека и попечительство. Наследственное право”*. Институт опеки существовал для призрения недееспособных граждан, нуждающихся в заботе. С точки зрения действовавшего законодательства, опека являлась установленным государством попечением о личности и имуществе тех, кто “по малолетству и сиротству” или по другим причинам не могли сами позаботиться о себе и своем имуществе. Поводом для установления опеки являлось полное или частичное отсутствие у опекаемого правовой или хозяйственной дееспособности. Причины этого могли быть различными: несовершеннолетие опекаемого, его неспособность вести свои хозяйственные дела, затянувшиеся споры по разделу имущества между наследниками и т.д.

Попечительство дополняло опеку. По закону попечительство касалось только охраны имущества, а не самого человека. С 14-летнего возраста опекаемый мог просить о назначении себе попечителя. Опека автоматически переходила в попечительство по достижении опекаемым 17 лет, и прекращалась при совершеннолетию, наступавшем в 21 год.

Институт опеки был построен на сословном начале, каждое сословие имело свой особенный опекунский орган. Опекунскими и сиротскими делами купцов, мещан и цеховых, так же, как и личных дворян и разночинцев, заведовали сиротские суды. Сиротский суд состоял из членов, избираемых на 3 года частными собраниями сословий города – купеческого, мещанского и ремесленного. Председательствовал в суде

городской голова или другое лицо, специально избранное для этой цели городской думой и утвержденное губернатором.

Переход имущества после смерти того или иного лица (наследодателя) к другим лицам (наследникам) в дореволюционной России регулировался отдельной отраслью права – наследственным правом. Существовала целая система правил, регламентировавших порядок наследования.

Признавалось два вида наследства: наследство “по закону” и наследство по завещанию. При составлении завещания соблюдались определенные правила. Закон требовал оформления завещания в письменном виде. Завещание должно быть написано в “здравом уме и твердой памяти”, на цельном листе бумаги, обозначать имущество и наследников четко и конкретно, подчистки и поправки в тексте необходимо было оговаривать и заверять подписью.

Каких-либо строго установленных правил при распределении наследства не существовало. Каждый из завещателей по-своему определял дальнейшую судьбу своей собственности, круг наследников и долю каждого. Приоритет при распределении наследства был на стороне родственников мужского пола – сыновей и внуков. Их доля в наследстве обычно была значительнее, чем у других членов семьи. Женщины могли получить свою часть имущества и при наличии в семье мужчин. Обычно доля дочерей была значительно меньше, чем доля сыновей. В большинстве случаев наследниками основного состояния выступали близкие родственники: жена, дети, внуки.

Вопрос о круге наследников и их доле имущества после смерти человека, не оставившего завещания, решался на основе закона (“наследство по закону”). Порядок наследования по закону был следующим: к наследству призывались все кровные родственники, свойство не давало права на наследование. Родственники призывались к наследованию по степени кровного родства, которая определялась в особой главе свода законов – “О союзе родственном”.

Закон регламентировал доли родственников в наследуемом имуществе. Ближайшее право наследования принадлежало сыновьям. Имущество умершего делилось между его сыновьями поровну; при отсутствии сыновей – между внуками, и только при отсутствии внуков – между дочерьми. Дочери при живых братьях получали “указную долю имущества” – 1/14 часть недвижимого и 1/8 часть движимого; остальное отходило сыновьям. Таким образом, в области наследования по закону права женщин серьезно ущемлялись.

После смерти завещателя духовные завещания утверждались окружными судами. Для того чтобы завещание вступило в силу, а титул собственности перешел от завещателя к наследникам, оно должно было быть представлено к исполнению окружным судом в годичный срок. Ставки наследственных пошлин были невысоки, например, при переходе состояния к родственникам по прямой линии они составляли 1,5%.

Третья глава “Население городов Западной Сибири во второй половине XIX–начале XX в.” состоит из двух параграфов. В первом параграфе “Социально-правовое положение городского населения” анализируется правовое поле, в рамках которого осуществлялась экономическая и общественная деятельность горожан. Период второй половины XIX–начала XX в. – это время быстрого развития капитализма и, как следствие, разложения сословий и формирование классов буржуазного общества. Тем не менее существовавший в Российской империи вплоть до 1917 г. сословный строй означал, что положение человека в обществе во многом определялось тем сословием, к которому он принадлежал.

Во второй половине XIX в. в правовом положении горожан происходят значительные изменения. Отмена крепостного права, буржуазные реформы 60–70-х гг. и перемены в социально-экономической жизни общества неизбежно повлекли за собой изменения в правовом статусе городского населения. При этом многие реформы хотя и принимали во внимание различия между сословиями, но в то же время были лишены строгого сословного начала – таковы судебная, военная, полицейская реформы. Благодаря этому в пореформенное время сословия стали постепенно утрачивать свои специфические права и в правовом положении сближаться друг с другом.

Вступление России в период модернизации после буржуазных реформ 60–70-х гг. XIX в. предопределило изменение роли самого массового городского сословия – мещанства. В 1865 г. мещане были освобождены от телесных наказаний. Отмена подушной подати и круговой поруки у мещанства разрушила сословную городскую общину. В ходе судебной реформы были ликвидированы сословные суды. По Городовым положениям 1870 и 1892 гг. мещане сохранили свое право на участие в городском самоуправлении, но их избирательные права были ограничены сначала трехразрядной избирательной системой, а затем высоким имущественным цензом, что давало преобладание в городских магистратурах дворянам, купцам и почетным гражданам.

Отсутствие замкнутости в отдельных группах горожан (мещан, купцов, почетных граждан), постоянные переходы людей из одной категории в другую позволяют отметить, что эти категории не являлись отдельными сословиями в формально-юридическом смысле.

Особой группой населения сибирских городов были “военные”, или, другими словами, “солдатское сословие”. Существовал целый ряд категорий населения, относящихся к военным: нижние воинские чины регулярных войск, члены их семей, бессрочноотпускные и отставные солдаты с членами семей, солдатские дети и кантонисты. С введением в 1874 г. всеобщей воинской повинности лица, призывавшиеся в армию всего на несколько лет, на время службы и после нее уже оставались в своем прежнем сословии. Поскольку категория отставных солдат больше не пополнялась, к началу XX в. она растворяется среди других групп населения.

Своеобразно было правовое положение разночинцев. Сам этот термин имел нечеткое и расплывчатое толкование в официальных документах. К разночинцам причисляли все те категории населения, которые не попали в другие сословия, в частности: не состоявших при должностях низших церковнослужителей, канцеляристов, официально зарегистрированных раскольников, некоторые группы государственных крестьян и т.п. Хотя еще в 1841 г. эта сословная категория была официально упразднена, но фактически продолжала существовать, так как реальная жизнь не укладывалась в прокрустово ложе сословной системы.

Значительную долю населения городов составляли крестьяне. Личные права крестьян были расширены и укреплены реформами 60-х гг. XIX в. лишь в ограниченной степени. В податном и правовом отношении крестьяне были в более приниженном положении даже по сравнению с низшей категорией городского гражданства – мещанами. Стремление “сельских обывателей” выйти из своего сословного общества и зачислиться в горожане требовало от крестьян больших усилий и немалых материальных затрат. Поэтому жившие в городах крестьяне в силу существующих правил долгое время вынуждены были еще обращаться к местам своей приписки за получением паспортов.

В городах, в условиях более быстрого, чем в деревне, развития капитализма, интенсивно шли процессы классового образования. Последствия великих реформ разрушали сословный строй Российской империи. Однако, несмотря на то, что сословия в пореформенное время постепенно утрачивают свои специфические сословные привилегии, несмотря на активно протекавшие в обществе процессы образования классов буржуазного общества сословная организация городского населения имела большое значение.

Второй параграф “Численность и состав городского населения”. В пореформенный период численность населения городов быстро росла. Если по данным 1858 г. общая численность городского населения Западной Сибири составила 106050 чел., то к 1880 г. – уже 167639, а по переписи 1897 г. – 245280 чел. Быстрее всего росли крупнейшие города региона. Наиболее быстрыми темпами население городов увеличивалось в начале XX в. В 1904 г. в городах региона числилось почти 350 тыс. чел., в 1910 – 520, в 1913 – 562 тыс. При этом механический прирост в городах преобладал над естественным.

Городское население росло не только за счет расширения старых городов, но также из-за образования новых. Если в начале 1860-х гг. в регионе насчитывалось 19 городов, то в 1917 г. уже 26 населенных пунктов имели статус города. Самым крупным из новых центров стал Новониколаевск, возникший в 1893 г. как поселок строителей железнодорожного моста через Обь.

Удельный вес горожан в населении региона оставался относительно невысоким. При этом на протяжении второй половины 60–80-х гг. XIX в. происходило даже понижение доли городского населения, и только с 90-х гг. отмечается его рост. Доля горожан в Сибири по-прежнему была ниже, чем в Европейской России.

Половой состав городского населения в Сибири, как и в России в целом, характеризовался преобладанием мужчин. По данным 1880 г. мужчины в городах Западной Сибири составляли 54,2%, женщины – 45,8%, на 1000 мужчин приходилось 845 женщин. Существовавшая диспропорция была значительной, что не могло не влиять на уровень брачности. Со временем эта диспропорция сглаживалась. Согласно переписи 1897 г. мужчины в городах Западной Сибири составляли 51,7%, женщины – 48,3%, на 1000 мужчин приходилось 934 женщины.

Различным было соотношение полов в разных возрастных категориях. В возрасте до 20 лет половой состав был пропорциональным. В возрастной группе 20–24 года мужчины значительно преобладали. Большая часть мужчин этого возраста была пришлой, поскольку город притягивал молодых мужчин в значительно большей степени, чем женщин. Так как данная возрастная категория совпадает с самым активным брачным возрастом, многие молодые мужчины просто не могли вступить в брак, по крайней мере со своими сверстницами.

Сословный состав населения городов Западной Сибири в начале 1860-х гг. был следующим: дворян – 5,6%, духовных – 1,9%, купцов – 5,3%, мещан – 40,9%, военных – 25,1%. Крестьяне составляли 9,3%, ссыльные – 0,8% всего населения, хотя действительная численность ссыльных в сибирских городах была намного выше. Довольно значительной была категория “прочие” – 11,1%, к которой относились инородцы, иностранные подданные, разночинцы и люди неопределенного состояния. По первой всеобщей переписи 1897 г. в городах Западной Сибири мещане составляли 49,0%, крестьяне – 36,4%, дворяне – 7,1%, купцы и почетные граждане – 2,3%, духовные – 1,4%, казаки – 1,0%, прочие – 2,8%.

Тенденции в изменении сословного состава населения городов региона были следующими. Военные, в начале 1860-х гг. являвшиеся второй по численности группой среди горожан, на протяжении пореформенного периода сходят на нет. Отмечается устойчивое снижение доли купцов и почетных граждан, а также лиц духовного сословия. Доля самого массового городского сословия – мещан – на протяжении всего периода колебалась в пределах 41–49%. Самый быстрый рост отмечен в сословии крестьян. Если в начале 1860-х гг. они составляли 9,3% горожан, то в начале XX в. уже более 36%.

Национально-конфессиональный состав населения городов Западной Сибири не был однородным, тем не менее практически во всех городах преобладали православные, большинство из которых были русскими. В городах Томской губ. в 1864 г. православных было 91,9%, старообрядцев – 1,4%, иудеев – 3%, католиков – 2,3%, мусульман – 1,1%, протестантов – 0,3%. Национальный состав по разным городам отличался довольно значительно. Практически мононациональными были города Алтайского горного округа: Барнаул, Бийск, Кольвань, Кузнецк. Относительно меньший процент православных был отмечен в губернском Томске (87,6), а также в Мариинске (87,6) и Каинске (82,7).

Материалы переписи 1897 г. дают возможность на основании сведений о родном языке рассмотреть национальный состав населения всех городов региона. Русские (вместе с украинцами и белорусами) составляли 90,7%. Второй по численности национальностью были евреи – 3,3%, третьей – татары – 1,9%, поляки составляли 1,8%, немцы – 0,5%, прочие – 1,8%.

Половой состав различных национальных групп, проживавших в городах региона, был различен. Наиболее гармоничное соотношение полов было у русских (980–984 женщины на 1000 мужчин) и у евреев (984–1004). Это создавало предпосылки для преобладания национально однородных браков. В то же время в других национальных группах отмечалось значительное преобладание мужчин. Например, среди украинцев на 1000 мужчин приходилось женщин: в Тобольской губ. – 505, в Томской – 513, среди поляков, соответственно: 749 и 571, немцев – 531 и 712, татар – 581 и 805. Для многих мужчин этих национальностей создать семью со своей соплеменницей было сложно.

Четвертая глава “Демографическое развитие семьи” состоит из трех параграфов. Первый параграф “Семейное состояние населения и людность семьи” посвящен вопросу о семейном положении и размерах семей горожан региона. Материалы однодневных городских переписей позволяют подробно рассмотреть семейное состояние горожан Западной Сибири в конце 1870–начале 1880-х гг. Холостые и незамужние насчитывали 50–60%, состоявшие в браке – 30–40%, вдовы – 8–10%. Вдовы составляли весьма значительную долю среди женщин всех возрастов – 12–15%, в то время как среди мужчин вдовцов насчитывалось 4–5%.

По материалам переписи 1897 г. отмечено, что в городах доля не состоявших в браке взрослых (15 лет и старше) была значительно больше, чем в деревнях, при этом среди городского населения процент холостых мужчин был значительно выше, чем процент незамужних женщин.

К концу XIX в. подавляющее большинство горожан на протяжении своей жизни вступало в брак. Доля мужчин, никогда вступавших в брак, составляла около 5%, женщин – около 7%. В возрасте 16–20 лет в браке состояло 5–7% мужчин, в возрастной группе 21–25 лет – уже более 50%. Своего максимума доля женатых мужчин достигала в возрасте 41–45 лет, когда 85–90% мужчин состояли в браке, а затем начинала уменьшаться за счет роста числа вдовцов. Среди женщин уже в возрасте 16–20 лет около 20% были замужем. К 25 годам состояли в браке три четверти женщин, что говорит о более низком, чем у мужчин, среднем возрасте вступления в брак. Доля замужних женщин была максимальной в возрасте 31–35 лет (около 90%), после чего также начинала снижаться.

Во второй половине XIX – начале XX в. размеры и состав семей горожан Сибири во многом определялись социально-экономическими процессами, протекавшими в регионе. Средняя людность семьи в городах Сибири колебалась в пределах 4–6 чел. на семью. При этом можно отметить довольно значительные колебания средней людности в зависимости от сословия, национально-конфессиональной группы и конкретного города.

В конце 1860-х гг. семьи из одного человека составляли 3–5%, из двух – 15–20%, из трех – 15–22%, из четырех – 15–17%, из пяти – 12–15%. В 1897 г. распределение семей по людности в городах региона было следующим: одиночки составляли 9,9% (наибольшие показатели в этой группе были в крупнейших городах региона: Тюмени – 14,1%, Тобольске и Томске – по 11,7%). Самой массовой группой были семьи из двух человек – 20,9%. Семьи из трех, четырех и пяти человек насчитывали соответственно 18,0, 15,8 и 12,9%.

Размеры семей были меньше, чем семейных домохозяйств. В среднем на каждую семью горожанина Западной Сибири приходился один не родственник, принадлежавший к семейному домохозяйству. Среди таких людей мужчины преобладали (в среднем по региону – 0,6 муж. и 0,4 жен. на домохозяйство). Характерно, что в собственно семьях распределение по полам было иным, чем в домохозяйствах. Если в домохозяйствах преобладали мужчины, то в составе семей – женщины. Это обстоятельство объясняется тем, что мужчины, особенно молодые, чаще уходили из семей в поисках заработка.

Распределение семей по людности позволяет выделить группы городов, в которых характер такого распределения примерно одинаков. Во-первых, это города, в которых доля одиночек и семей, состоящих из двух человек, наибольшая, а доля больших семей – наименьшая. К этой группе относятся Тюмень, Тобольск и Томск. Вторая группа – города с обратными характеристиками – наименьшими долями одиночек и небольших семей и наибольшими – многочисленных. К этой группе относятся Колывань, Бийск, Мариинск и Нарым. Остальные города занимали промежуточное положение.

Изучение сословных различий людности семей показало, что во второй половине XIX в. по средней людности лидировали купцы, в семьях которых насчитывалось от 5,0 до 6,2 чел., и только в начале XX в. они уступают лидерство крестьянам. Крестьяне по размерам семей немногим уступали купцам в пореформенное время (4,0–5,0 чел.), а в начале XX в. даже превосходили их (5,3–6,1 чел.). Достаточно близким к этим двум сословиям был средний размер семьи у мещан – 4,1–4,7 чел. Другие сословия имели меньшую людность: духовные – 3,0–4,4 чел., военные – 3,0–3,8 чел., дворяне и чиновники – 3,5–4,3 чел.

Национальные различия средней людности городских семей позволяют рассмотреть переписные листы переписи 1897 г. по Тобольской губернии. Наибольшая средняя людность отмечена в еврейских семьях – 6,8 чел., затем следуют татары – 5,5 чел., поляки – 4,5 чел., русские – 3,9 чел., немцы и эстонцы – по 3,5 чел. в среднем на семью.

Второй параграф “*Структура семьи*”. При изучении структуры семей возникают сложности, связанные с недостаточной теоретической разработанностью данной проблемы. В научной литературе предложено много подходов к построению классификации семей. С учетом задач нашего исследования подходящей признана типология семей, использованная В.А. Зверевым при исследовании крестьянской семьи Сибири периода капитализма¹. Эта типология предусматривает выделение 6-ти типов семей: одиночки, простые, расширенные, сложные отцовские, сложные братские, линейные.

Среди горожан Сибири практически за весь изучаемый период большинство составляли предельно простые ячейки. Довольно значительное количество горожан являлись одиночками – вплоть до 10–15% от общего количества семей. Самой многочисленной группой семей были простые семьи, их доля составляла 50–70%, из которых 10–15% являлись неполными семьями, т.е. семьями вдовцов, в большинстве своем женщин. Определенную долю составляли различные варианты расширенной семьи – 20–25%. Очень часто в таких семьях с родителями (нередко с одним из оставшихся в живых) жили дети, при этом старший сын был женат, имея иногда и собственных детей. Количество таких семей колебалось в пределах 5–15% от общего числа, составляя примерно половину всех расширенных семей. Распространенными вариантами расширенных семей были такие, где вместе с супружеской парой и их детьми проживали вдовы теткы (реже – дяди), иногда племянники. Сложные по типу внутренней структуры семьи (отцовские и братские) были в меньшинстве, их совокупная доля не превышала 3–8%. Линейные семьи в среде горожан встречались очень редко.

Одной из отмеченных тенденций было увеличение числа одиночек. Если в 1850–1870-х гг. доля одиночек составляла 6–7% от общего числа семей, то в конце XIX–начале XX в. – 10–12%. Тенденцию к увеличению имела и доля простых семей, соответственно сокращалось число расширенных и сложных семей.

Распространенность сложных и простых типов семей среди различных сословий имела свои особенности. В духовном сословии подавляющее большинство составляли наиболее простые семьи, и даже расширенных было немного. Преобладание простых семей было характерно также для дворян, чиновников и военных. Для мещан была характерна большая доля расширенных и сложных семей, чем для большинства других сословий проживавших в городах, чему способствовал более ранний возраст вступления в брак, необходимость семейной кооперации у ремесленников некоторых специальностей, отсутствие организованной системы призрения вдов (в отличие от вдов чиновников и духовенства). Достаточно близким к мещанскому был характер распределения семей по типам среди крестьян, проживавших в городах, что объясняется близостью условий их жизни, а также тем, что мещанство испытывало постоянный приток со стороны крестьянского населения, перебиравшегося в города. Наибольшая распространенность семей сложных типов отмечена у купеческого сословия.

Среди православных мещан было больше расширенных и сложных семей и меньше простых, чем у евреев. Долгое время доля сложных семей у купцов иудейского вероисповедания была гораздо выше, чем у православных гильдейцев. При этом и у православных, и у иудеев в изучаемый период протекали процессы упрощения внутренней структуры, а национально-конфессиональные различия в распределении семей по типам внутренней структуры с течением времени сглаживались.

Анализ группировки семей по числу поколений показывает, что в городах Западной Сибири однопоколенные семьи составляли около 20–25%, двухпоколенные – около 60%, трехпоколенные – от 15 до 20%, а семьи, насчитывавшие 4 поколения совместно проживавших родственников, встречались очень редко. В наи-

¹ Зверев В.А. Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма (историко-демографический анализ). Новосибирск, 1991. С. 39–40.

большой степени одно- и двухпоколенные семьи были характерны для духовенства (практически 100% всех семей). Меньше, чем в среднем, семей из трех поколений было среди чиновников, солдат, казаков. В большей степени трехпоколенные семьи были характерны для купцов и мещан. Только среди этих двух сословий были отмечены семьи из четырех поколений.

В целом можно констатировать, что в ходе утверждения и развития капитализма в Сибири действовали тенденции распада и сегментации сложных неразделенных семей, упрощения их внутренней и поколенной структуры. В начале XX в. в регионе среди горожан преобладали простейшие как по типу внутренней структуры, так и по поколенному составу семейные ячейки. Тенденция к дроблению семей и упрощению их структуры в городах была выражена по-разному у различных групп населения и во многом зависела от характера занятий, образа жизни, социального положения, конфессиональных особенностей, бытовых традиций этих групп.

В третьем параграфе “*Жизненный цикл городской семьи*” рассмотрены брачно-возрастные особенности семей горожан: возраст вступления в брак, распространенность повторных браков, репродуктивный цикл семьи. Большинство лиц, вступающих в первый брак, имели возраст около 21–22 года у женщин и 25–26 лет у мужчин. При стабильности среднего показателя размах вариаций возрастов был довольно значительным. При этом у мужчин он был гораздо больше, чем у женщин. Минимальный возраст невест в первом браке составлял 15 лет, а максимальный 39–49 лет. В то же время у их женихов минимальный возраст в первом браке равнялся 17–18 лет, а максимальный – 46–64 года. Во вторых браках средний возраст вступления в брак был значительно выше: у мужчин 36–40 лет, у женщин 30–35 лет. Третьи браки у мужчин встречались гораздо реже, но не были чем-то исключительным. Средний возраст вступления в 3-й брак составлял у мужчин 45–54 года. В то же время случаи вступления женщин в 3-й брак были чрезвычайно редки.

Средний возраст вступления в брак в значительной степени зависел от сословной и национальной принадлежности. Наибольший средний возраст вступления в первый брак у мужчин был у военных (нижних чинов) – 30–31 год, дворян и чиновников – 27–28, купцов – 27–30 и разночинцев – 25–27 лет. Мужчины других сословий женились раньше: мещане в 24–25, крестьяне – 23–24, духовные – 21–24 года. У женщин также наибольший средний возраст отмечен для сословия военных, а также дворян и чиновников – 23–26 лет. Для невест из других сословий он был ниже (19–21 год), наименьший средний возраст отмечен у невест из духовного сословия – 17,5 лет.

В календарном распределении свадеб можно выделить два пика: зимний (январь-февраль) и осенний (октябрь-ноябрь). Большинство браков заключалось в январе (20–25%) и феврале (12–15%). В октябре и декабре – в совокупности около 20%. Незначительные доли браков приходились на лето, особенно на июнь и август (по 3–4%). Полностью отсутствовали браки в марте и декабре. Эти особенности годового цикла браков православных определялись прежде всего религиозными факторами. Браки горожан распределялись в течение года более равномерно, чем в сельской местности.

В городах также как и в деревне наблюдалась определенная сезонность рождений. Наиболее высоким число рождений было в январе и марте (в среднем по 10% годовых рождений), наименьшим – в июле-августе и ноябре-декабре (около 7,5%). При этом, если общим для деревни и города было высокое число рождений в январе и марте, соответствующих зачатиям апреля и июня, то спада рождаемости в сентябре (т.е. зачатий в декабре), характерного для деревни, в городе не отмечалось. Эти данные показывают, что горожане менее строго соблюдали половое воздержание во время поста.

подавляющее большинство супружеских пар в городах состояли в первом браке (80–95%). Количество вторых браков было меньше, чем первых, но все же довольно значительным (15–20%). Доля третьих браков обычно не превышала 5%. Женщины после прекращения первого брака реже заключали повторный брак, чем мужчины. Тенденцией было сокращение доли повторных браков. Так, если в 1873 г. в Тобольске повторные (вторые и третьи) браки у мужчин составляли 35,7%, а у женщин – 13,6%, то в 1912 г. соответственно 15,3 и 9,2%.

Поскольку средний возраст вступления в брак у мужчин был выше, чем у женщин, у большинства супружеских пар старшим по возрасту был мужчина. В первых браках в среднем мужья были старше своих жен на 3–4 года, при этом можно отметить некоторое сокращение разницы в возрасте с течением времени. Так, в Тобольске в 1873–1874 гг. средняя разница в возрасте в заключаемых браках была 3,9–4,3 года, а в 1911–1912 гг. – 2,6–2,8 года. Во вторых браках мужья были старше жен в среднем на 7–13 лет, в третьих – на 11–18. Размах вариаций разницы в возрасте супругов был значительным: от 10 и даже 15 лет в пользу женщин до 30–38 лет в пользу мужчин.

У католиков в 1870–1890 гг. в первых браках мужчины были в среднем на 9,9 лет старше своих жен (размах вариаций – от 5 лет в пользу жены до 28 в пользу мужа), во вторых – на 17,3 года (размах вариаций от 0 до 37 лет в пользу мужчины). К началу XX в. разница в возрасте супругов в семьях католиков уменьшилась (5,6 лет в первых браках и 12,8 во вторых).

Наибольшая разница в возрасте супругов была характерна для дворян и чиновников – 8,4–9,5 года, военных – 6,4–9,9 и купцов – 4,3–8,6 года. В других сословиях разница в возрасте супругов была ниже: у мещан 3,9–7,5 лет, крестьян – 3,5–5,9, духовных – 3,3–4,2.

Изучение соотношения внутрисословных и межсословных браков показало, что наиболее замкнутыми в матримониальных связях были крестьяне (коэффициент сословной гомогенности браков 0,60–0,72), а также дворяне и чиновники (0,47–0,49). Духовные (0,39–0,40), мещане (0,39) и купцы (0,29–0,30) занимали среднее положение, а военные (0,25) и разночинцы (0,19–0,21) в наименьшей степени создавали браки с представительницами своих сословий. В целом можно признать, что сословия в городах Сибири не были социально эндогамными группами. Менее половины всех заключающихся браков были односословными.

Распространенность межнациональных браков показывают коэффициенты национальной гомогенности брака, которые составляли (данные по Омску за 1916 г.): для евреев 1,0, татар – 1,0, русских – 0,96, немцев – 0,80, поляков – 0,36. Евреи и татары практически не вступали в смешанные браки, что определялось религиозными причинами. Близкий к единице коэффициент для русских объясняется абсолютным преобладанием русских в населении города. У немцев и особенно поляков межнациональные браки были распространены в большей степени, что объяснялось перевесом мужчин в этих национальных группах.

В течение всего изучаемого периода у горожан преобладали семьи, содержащие одну брачную пару (60–75%). Значительная доля семей не содержала ни одной брачной пары (20–30%). В эту группу входили семьи холостых, а также семьи вдовцов с холостыми детьми. Семьи, насчитывавшие 2 брачные пары, также были довольно распространенными среди горожан, но их доля обычно не превышала 10%. Реже встречались семьи с 3 парами супругов (1–3%). Семьи, содержавшие 4 и более брачных пар, встречались очень редко.

Распределение семей по группам возрастов главы семьи и количеству детей позволяет показать репродуктивный цикл городской семьи. С возрастом средняя численность детей сначала увеличивалась, достигая своего максимума в возрасте 45–49 лет, а затем снижалась (при возрасте мужа 18–24 лет на семью приходилось в среднем 0,5 детей, в возрасте 45–49 лет – 3,88, затем следовало уменьшение, и в возрасте 65 и более лет – всего 1,71 ребенка). Таким образом, численность городской семьи достигала своего апогея, когда супругу было 45–49 лет. Если учесть, что мужья в городах были в среднем на 5–7 лет старше жен, то данный возраст супруга соответствует возрасту женщины при рождении последнего ребенка, который составлял в то время 39–40 лет. К возрасту 60 лет с родителями оставались обычно только 2 ребенка, чаще всего сын, наследовавший отцовское хозяйство, и младшая дочь, еще не успевшая выйти замуж. В конце жизни в большинстве случаев родители оставались с одним сыном и доживали жизнь с ним.

Пятая глава “Экономика городской семьи” состоит из двух параграфов. Первый параграф “Занятия и доходы горожан”. Семья горожан отличалась от крестьянской, в числе прочего, и своей экономической основой, что не могло не сказаться и на специфике семейного строя. Экономическую основу городских семей, как правило, образуют доходы взрослых ее членов от занятий городского типа – в промышленности, торговле, транспорте, культуре, обслуживании. При этом от вклада в семейный бюджет в известной степени зависит и положение того или иного члена семьи.

По существу для каждой социально-бытовой группы горожан был характерен свой круг занятий, определявший и уровень доходов. В купеческой среде основным занятием являлась торговля. В торговле и ее организации участвовал как сам купец, так и члены его семьи (чаще всего жена и старшие сыновья). Купеческая семья, таким образом, была не только средством воспроизводства, в ней возникали дополнительные отношения компаньонов в предпринимательском семейном деле.

Занятия мещанства были чрезвычайно разнообразны, как и уровень их материального благосостояния. Значительная часть мещан занималась сельскохозяйственной деятельностью. Отдельной экономической группой мещан были люди, имевшие профессию, более или менее постоянное занятие, но также находившиеся в зависимости: приказчики, квалифицированные ремесленники, работающие на чужих предприятиях, и т.п. Многие из сибирских мещан занимались отхожими промыслами вне пределов своего города. Наконец, верхняя по имущественному положению прослойка мещан – это хозяева мелких промышленных заведений, лавочек, речных судов, т.е. мелкие предприниматели.

Достаточно близки по характеру занятий и материальному положению к мещанам были отставные военные, составлявшие значительную часть населения городов региона. Солдаты занимались ремеслами, промыслами, поденной работой, мелкой торговлей и т.п. Особое положение было у военных, находившихся на действительной службе. Размеры денежного довольствия нижних чинов были небольшими. При низком уровне доходов и тяжелых условиях службы только небольшая часть солдат могли позволить себе обзавестись семьями.

Часть крестьян, проживавших в городах, занималась сельским хозяйством, другие, хотя и числились в крестьянском сословии, но по своим занятиям приближались к мещанам. На постоянное жительство в го-

роде оседали крестьяне-переселенцы, беднота, искавшая заработка, деревенские ремесленники, “торгующие крестьяне”.

Значительный отрыв работы от сферы быта наблюдался у большинства чиновников и служащих. В начале XX в. в городах Сибири все более заметной становится интеллигенция. Росло число преподавателей, врачей, лиц свободных профессий. После открытия университета и технологического института в Томске здесь складывается профессорско-преподавательский корпус. Занятия этой группы горожан были полностью обособлены от семейной сферы. Именно среди интеллигенции в наибольшей степени был развит собственно городской образ жизни.

Материальное положение большей части духовенства оставляло желать лучшего. В конце 1860-х гг. настоятель городской церкви получал жалованье в среднем 180 руб. в год, дьякон – 100 руб., псаломщик – 60 руб. Получаемым жалованьем доходы духовенства не ограничивались. Большинство духовенства получало доход непосредственно от паствы за исполнение обрядов – венчания, отпевания, крещения и т.п. Повышение материального уровня духовенства стало одним из главных направлений церковной реформы 1860–1870-х гг.

Зарботки чиновников и служащих в их массе были незначительными. Большинство чиновников едва сводило концы с концами, несмотря на то, что сибирские чиновники имели целый ряд привилегий по сравнению со своими коллегами из европейской части страны. Для большинства офицеров жалованье составляло единственный источник средств существования. Следует также иметь в виду, что военным служащим воспрещалось заниматься частнопредпринимательской деятельностью. Армейский офицер в Сибири в середине XIX в. получал в среднем 250 руб. в год, кроме того, квартирные и фуражные, деньги на отопление и освещение, имел денщика, а по окончании службы – право на пенсию. Значительно скромнее жили казацкие офицеры, которые получали всего 72 руб. в год.

Но, конечно, как ни скудно было жалованье большинства чиновников, многие горожане зарабатывали еще меньше. Рабочий на кожевенных заводах в Тюмени получал в 1870-х гг. от 8 до 11 руб. в месяц. Поденная плата рабочему в 1860–1870-х гг. составляла: пешему – 40–50 коп., конному – 70–80 коп., мастеровому – 1 руб., чернорабочему: мужчине – 50 коп., женщине – 36 коп. В начале XX в. дневная плата чернорабочих поднялась до 1 руб. мужчине и 60 коп. женщине, плата прислуге составляла от 3 до 10 руб. в месяц.

Соотношение индекса цен и индекса номинальной заработной платы рабочих показывает, что реальные доходы рабочих в конце XIX–начале XX в. росли довольно значительно и только после начала мировой войны начинается падение реальной зарплаты. Часть зарплаты рабочим, особенно на мелких предприятиях, выплачивали в натуральной форме. В частности, практиковались такие формы заработной платы, как содержание “на хозяйских харчах” и выдача продуктов (часто в кредит), одежды, обуви и др.

Важным фактором семейной экономики является соотношение работающих и иждивенцев. Женщины в гораздо меньшей степени, чем мужчины, участвовали в пополнении семейного бюджета, что означало для многих из них отсутствие экономической самостоятельности и зависимость в семье от мужчины. Например, в Омске в 1877 г. среди взрослых мужчин 67,2% имели собственные доходы, а среди женщин – всего 29,6%.

Главенство мужа в семье горожан в пореформенные годы имело прочный экономический фундамент, благодаря сосредоточению в его руках всех экономических ресурсов семьи и принятию основных решений, в связи с чем существовало жесткое закрепление ролей в семье. Семейная экономика определяла полам специфические роли в жизнеобеспечении семьи. Женщинам предназначалась в первую очередь роль домохозяйки и матери.

Необеспеченность беднейших городских слоев приводила к широкому использованию детского труда. Дети, в основном мальчики, начинали в той или иной форме трудиться уже с 12, а то и с 10 лет. При ограниченном семейном бюджете заработки подростков были весьма ощутимы для семьи.

Все большая вовлеченность женщин и детей в трудовую жизнь, увеличение их вклада в семейный бюджет меняли привычный семейный порядок, способствовали изменению системы внутрисемейных отношений. Во второй половине XIX–начале XX в. появляется все больше возможностей для некоторого экономического освобождения отдельных членов семьи, в частности, женщин и подростков, работающих на производстве.

Второй параграф *“Хозяйство семьи и семейный бюджет”*. Вид и объем домашнего труда зависели от того, насколько хозяйство горожанина обеспечено производственными заработками одного или нескольких членов семьи и насколько они дополнялись продуктами питания, полученными в подсобном хозяйстве. Организацией домашнего хозяйства обычно занималась женщина – хозяйка, ей помогали в домашних делах и другие члены семьи, особенно дочери. Сам хозяин редко вникал в домашние дела, хотя и требовал, чтобы “дом” велся на соответствующем уровне.

Традиционной чертой семейного хозяйства сибирских городов было наличие у большинства горожан подсобного хозяйства. Приусадебный участок и домашний скот были необходимы для многих городских жителей. В силу этого домашние хозяйства горожан имели черты “двойной экономики”, когда определенная часть семейного дохода поступала не от производительного труда, а от подсобного хозяйства.

Горожане держали значительное количество скота. В небольших городах, где сельское хозяйство являлось одним из главных занятий жителей, количество скота было особенно велико. Семья, державшая корову, была полностью обеспечена молочными продуктами. Много лошадей имели ямщики и извозчики, в силу специфики своей работы. Зажиточные слои горожан содержали лошадей для выезда.

Продукты для семейных нужд обычно закупали большими партиями, что было более выгодно. Важной статьёй расходов на питание была покупка хлеба. Часть горожан владела пахотной землей, большинство же населения городов жило покупным хлебом. Муку ржаную и пшеничную покупали обычно мешками. В семьях с достатком брали муку более высокого качества – крупчатку. Цены на хлеб сильно колебались в зависимости от урожая, торговой конъюнктуры, региона, но в целом хлеб в Сибири был дешев. Ежемесячная потребность в хлебе составляла 1,5–2 пуда на взрослого человека и 30 фунтов на ребенка. Затраты на хлеб, таким образом, были весьма ощутимы для семьи низкого и среднего достатка.

Количество потребляемого мяса и рыбы зависело от достатка семей. Покупали также крупу, в наибольшем количестве пшено, в более состоятельных семьях также рис, гречку, манную крупу. Закупались и растительное масло, чай, сахар. Вместо сахара часто использовали мед, который был значительно дешевле. Требовали затрат также и различные мелкие расходы – соль, спички, мыло, для освещения в больших количествах потреблялись свечи, преимущественно сальные, а с конца XIX в. в широкое употребление входят керосиновые лампы. Отапливали дома дровами, и в условиях долгой и суровой сибирской зимы дров требовалось немало.

Существенной статьёй расхода была одежда. Особенностью городской одежды являлось ее изготовление (часто на заказ) из покупных тканей. В Сибири приобретение одежды для каждой социальной группы имело определенные источники. Верхушка чиновничьего аппарата и крупнейшие представители буржуазии могли позволить себе заказать платье или костюм в лучших швейных мастерских Москвы и Петербурга. Основная же масса горожан платье и обувь заказывала у местных портных.

Важной статьёй семейных расходов являлось жилье. Быстрый рост населения городов, особенно после строительства железной дороги, вызвал рост цен на квартиры и острую нехватку жилья в развивающихся городах. Начало XX в. в сибирских городах характеризуется “строительной горячкой”. Наравне с обычными частными жилыми домами быстро росли доходные дома. В Томске в 90-х гг. XIX в. квартира из одной-двух комнат стоила 7–8 руб. в месяц и была явно не по карману даже высокооплачиваемому рабочему. Поэтому многие семьи рабочих снимали комнаты или углы. Рост городского населения, не имевшего средств для аренды земли и собственного домостроения, вызвал развитие трущобной застройки, которая быстро заполняла овраги, насыпи и выемки железнодорожного полотна, затопляемые участки берегов рек. В небольших городах, оставшихся в стороне от железной дороги, стоимость квартир была значительно ниже.

В наибольшей мере характеризуют экономику семьи бюджеты семей различных слоев горожан. Для изучения экономики городской семьи Сибири середины XIX в. большую ценность имеет “Статистическое описание губернского города Тобольска”, составленное бароном И. фон Шеллингом для Русского географического общества, где содержатся бюджеты горожан разного уровня доходов¹. Главными для беднейшей части горожан (с годовым доходом 100 руб.) были расходы на питание – 54,8% всего бюджета (вместе со спиртным). Это было проявлением так называемой низкой структуры бюджета, т.е. высокой долей расходов на питание как самой насущной потребности. Доля расходов на жилье (квартира, отопление, освещение) составляла 15%. Чем выше был уровень доходов семьи, тем меньшая доля бюджета тратилась на питание и жилье, и тем больше статей расходов числилось в бюджете. Так, в семье с годовым доходом около 1000 руб. расходы на питание составляли 29,6%, в том числе кофе, чай и сахар – 19,4% всех расходов на продукты, или 5,7% всего бюджета. Расходы на жилье, отопление и освещение занимали 11,5%. Появляются у этой группы горожан и другие виды расходов, которые не могли позволить себе более бедные: на учителя для детей, лечение, благотворительность.

Шестая глава “*Внутрисемейные отношения*” состоит из двух параграфов. Первый параграф “*Взаимоотношения супругов*”. Господствующие образцы семейной жизни в дореволюционной России давала патриархальная крестьянская семья. Внутренний строй русской крестьянской семьи накладывал сильный отпечаток и на семейную жизнь горожан, поскольку, во-первых, многие небольшие провинциальные города по укладу жизни и занятиям жителей немногим отличались от сел, и, во-вторых, русские города, особенно в пореформенный период, испытывали постоянный приток населения из села, несшего с собой крестьянские семейные традиции.

¹ Архив Русского географического общества. Разряд 61. Оп. 1. Д. 5.

Среди провинциальных горожан – купцов, ремесленников, мещан, а также крестьян, постоянно проживавших в городах, особенно небольших, вплоть до конца XIX в. преобладали патриархально-авторитарные отношения. Глава семьи – “начальник семейства” представлял ее во внешних связях, пользовался среди домочадцев практически неограниченной властью, распоряжался единолично семейным имуществом и личной судьбой каждого из них. Как и в крестьянских семьях, все работы делились на мужские и женские, и первые выполнялись под надзором хозяина, а вторые – хозяйки.

Стойкость патриархальных традиций, степень авторитарности внутреннего строя семьи во многом определялась социальным и имущественным положением семьи и ее составом. Патриархальные порядки встречались чаще в семьях со стариками-родителями. В семьях, состоявших из родителей и неженатых детей, развитие семейного строя шло по пути смягчения авторитарности. Однако интересы мужчин в семье, как правило, ставились выше женских. Часто это имело под собой реальное основание, если муж был главным кормильцем в семье, но иногда это правило соблюдалось и по обычаю, даже если женщина своим трудом вносила в семейный бюджет большой вклад.

Глава семьи ведал всеми ее делами, отвечал перед государством за выполнение повинностей и выплату податей. Он, таким образом, являлся не только добытчиком средств к существованию, но и посредником между семьей и государством.

Жена подчинялась мужу, однако делами по дому руководила именно хозяйка, которая имела большие полномочия в своей сфере и так же строго правила подвластными ей людьми. В случае смерти хозяина вдова до совершеннолетия детей становилась главой семьи и выполняла все его функции, на нее записывалось хозяйство. Если у нее был сильный характер, то и взрослые женатые сыновья не выходили из-под материнской власти. Такие случаи не были большой редкостью, но и не нарушали общепринятых норм. Главное – порядок в семье оставался таким же, как и при хозяине-мужчине.

Зависимому положению женщины во многом также способствовало признание церковного брака единственной формой брака. Господствующие взгляды, отводившие женщине место исключительно в семье, приводили к отстраненности женщин от общественных дел, стремлению мужей сократить ее контакты с внешним миром.

Постепенно формирование городского образа жизни, распространение образования, более либеральные законы способствовали улучшению правового и фактического положения женщин в семье. Развитие семейного строя шло по пути смягчения авторитарности. Однако гуманизация внутрисемейных отношений в русском провинциальном городе в семьях мещан и ремесленников, а также основной массы купечества делала скромные успехи.

Если говорить об образе женщины в общественном сознании сибиряков, то надо признать, что она пользовалась в Сибири большим уважением. Большинство нарративных источников свидетельствуют о том, что среди значительной части сибирского купечества, интеллигенции, средних городских слоев преобладало уважительное отношение к женщине, что, однако, не мешало сибирякам рассматривать женщину в рамках достаточно жестко закрепленной поло-ролевой системы, отводившей женщине роль хозяйки дома и воспитательницы детей. По многочисленным отзывам современников, сибирские женщины были более энергичными, активными, предприимчивыми, самостоятельными, чем женщины центральной части России, а семейные отношения в Сибири – более демократичными.

Вовлечение в XIX в. женщины в профессиональную деятельность способствовало ее общественной активности и отразилось в изменении социально-экономического статуса мужчин – все это вместе взятое положило начало кризису патерналистских семейных ценностей. Однако изменения в семье, связанные с ломкой старых семейно-бытовых традиций и с появлением новых черт в сознании и в быту, имели многообразные и порой противоречивые последствия. Наиболее существенные изменения происходили в семьях городских промышленных рабочих. Низкая оплата труда, плохие жилищные условия, невысокий уровень образования и культуры негативно действовали на пролетарскую семью. Существенным фактором, подрывавшим семейные устои, был рост социальной мобильности населения. Отхожие промыслы, в которых участвовали миллионы крестьян, надолго отрывали женатых мужчин от семьи, нарушали регулярность половых отношений в браке, а кое-где превращали его в фикцию.

Характерным проявлением отхода от традиционных патриархальных ценностей явилось распространение в среде сибирских горожан смешанных в сословном, национальном и вероисповедном отношении браков, ставших в пореформенное время уже бытовым явлением.

В семьях сибирских горожан наиболее авторитарные порядки сохранялись в старообрядческой среде. Старообрядцам особенно был присущ дух замкнутости, обособленности, религиозной нетерпимости. Семейный строй их был подчас крайне суров и деспотичен. В семьях старообрядцев царил дух полного и беспрекословного подчинения всех членов семьи ее главе – мужчине.

Второй параграф “Родители и дети” посвящен взаимоотношениям между старшим и младшим поколениями в семьях горожан. В силу неразвитости системы образования, почти полного отсутствия дошколь-

ных учреждений как в России в целом, так и в Сибири в особенности, центр тяжести в воспитании и социализации подрастающего поколения во всех сословных группах вплоть до начала XX в. ложился на семью.

Отношение к детям в среде сибирских горожан носило традиционный характер. В детях видели продолжателей рода и опору в старости. В сфере личных взаимоотношений в семьях провинциальных горожан в середине XIX в. отражалась иерархическая структура их состава, каждое звено которого обладало строго определенными правами и обязанностями. Дети в этой иерархии занимали низкое место. Это особенно четко проявлялось в больших неразделенных семьях.

Дети находились в полном подчинении у родителей, с раннего детства помогая им по хозяйству. Воспитание и образование получали главным образом дома и, когда вырастали, нередко занимались тем же делом, что и их родители. Возрастом зрелости считались 15–16 лет, и с этого времени дети полностью включались в семейное дело или ремесло.

Забота о состоянии и здоровье детей лежала на матери, которая должна была следить за тем, чтобы дети были обуты, одеты, накормлены. В обязанности отца входило религиозно-нравственное наставление детей, в основном же он был связан с сыновьями в рамках семейного “дела”. Покорность детей старшим освещалась выработанной веками традицией сыновней почтительности, стойкостью патриархальных отношений. В купеческих семьях, кроме того, дети не шли вопреки воле родителей, опасаясь попасть в немилость и потерять свою долю наследства или приданого.

В условиях господства религиозных взглядов и патриархальных традиций дети воспитывались в духе обязательного вступления в брак. К незамужним дочерям и холостым сыновьям, вовремя не вступившим в брак, отношение было неуважительным. Вплоть до конца XIX в. в небольших провинциальных городах действовал обычай вступления в брак с помощью сватовства и свадьбы. Решающую роль в выборе брачного партнера играли родители. К концу XIX–началу XX в. сложилась новая система предбрачного ухаживания, появляется система молодежного предбрачного общения. Однако знакомство и общение городской молодежи, достигшей брачного возраста, происходило в социально однородной среде.

В среде дворян и чиновников в большей степени были распространены идеи просвещения и романтизма, которые поднимали значение личности, женщины, любви, детей в жизни человека. В образованных кругах все больше становилось сторонников партнерских, гуманных отношений в семье, при которых ребенок уже не рассматривался как существо, наполненное злыми чувствами и помыслами, которые следовало вышибить из него строгим наказанием. Однако степень демократизации семейных отношений даже в семьях интеллигенции не следует преувеличивать. Этот процесс затрагивал очень тонкий слой общества.

В пролетарской среде разрыв с традицией был наиболее резким. При этом материальные трудности, плохие жилищные условия, отсутствие медицинской помощи, низкая культура рабочих обусловили многие отрицательные стороны детского воспитания.

В целом воспитание детей во многом определялось социальной группой, к которой принадлежали родители, а также их жизненным опытом, принципами, установками, пониманием целей воспитания, и в силу этого было очень вариативным.

Важный вопрос взаимоотношения родителей и детей – вопрос об образовании подрастающего поколения. Многие свидетельства современников середины XIX в. говорят о том, что образование детей не занимало высокого места в системе ценностей сибиряка. Однако со временем горожане начинали понимать, что образование или хотя бы элементарная грамотность – одна из возможностей повысить свой социальный статус. Постепенно в пользу школьного образования заработала и семейная традиция. У горожан, в свое время обучавшихся в учебных заведениях, уже не было предубеждения против школ, поэтому они охотно отдавали своих детей в училища и гимназии.

По-другому, чем мальчиков, строили воспитание девочек. Данные об уровне грамотности в Сибири показывают как отсталость культурных процессов в колонизируемом регионе, так и ограниченный доступ женщин к образованию. По переписи 1897 г. в городах региона грамотными были 47,71% мужчин и только 27,74% женщин. И если мальчиков, по крайней мере в городах, стремились научить хотя бы элементарной грамотности, то воспитание девочек строили по-другому, с малых лет стараясь приучить к хозяйству. Дочери должны были помогать матери следить в доме за порядком, присматривать за младшими детьми. Их обучали вязать кружева, шить, готовить приданое, знакомили с обязанностями хозяйки дома.

Подобная точка зрения не могла устоять при дальнейшем социально-экономическом и культурном развитии общества. Начиная с середины XIX в. в регионе начинает быстро развиваться сеть женских учебных заведений. Создание школ для девочек стало важным социокультурным явлением городской жизни. Поскольку жизненный путь женщины из провинциального города практически не был связан со службой или общественной деятельностью и протекал почти исключительно на семейном поприще, которое не требовало получения школьного образования, то развитие женских учебных заведений во многом означало постепенный отход от прагматического видения мира, свойственного сибирякам.

В заключении подводятся итоги исследования и делаются основные выводы.

Изучение брачно-семейного законодательства Российской империи показало, что оно содержало целый ряд архаичных черт, утверждавших патриархально-авторитарные отношения в семье. Тем не менее законы, регулирующие семейную жизнь, становились с течением времени либеральнее, происходило постепенное усовершенствование законодательства путем внесения частных дополнений в существующий Свод законов. Основными тенденциями развития права были постепенное ограничение родительской власти, расширение прав женщин и детей и увеличение их правовой защищенности.

Население городов Западной Сибири имело сложный сословный, национальный и конфессиональный состав. Города региона в пореформенный период испытывали постоянный приток населения извне, что обеспечивало быстрый рост городского населения. Весьма значительную часть городского населения к началу XX в. составляли выходцы из деревни. Демографические процессы, протекавшие в городах Сибири, имели в целом ту же направленность, что аналогичные процессы в европейской части страны.

Изучение семейного строя горожан Сибири второй половины XIX–начала XX в. показало, что в основе типологии семьи как в середине XIX, так и в начале XX в. было преобладание малой, нуклеарной семьи при достаточно заметном числе различных форм расширенной и сложной семьи. Соотношение между числом малых, расширенных и сложных семей постоянно менялось, однако этот процесс не был однолинейным и необратимым развитием от сложных форм к простым. Средняя людность семей горожан в данный период колебалась незначительно, составляя в крупных городах региона 4–5 чел. Оптимальные размеры семьи, соответствующие новому типу воспроизводства населения, сложились в крупнейших городах региона еще в середине XIX в.

Среди основных тенденций демографического развития городской семьи в пореформенной Сибири можно отметить процессы упрощения семейной структуры, снижения брачности и доли повторных браков, повышения разводимости, сглаживания сословных и национально-конфессиональных различий структурно-количественных характеристик семьи. Эти процессы в городах региона были выражены в большей степени, чем среди сельского населения. Однако эти процессы и в начале XX в. были еще не завершенными, что показало сравнение с европейской частью страны и Западной Европой.

Различия в образе жизни, традициях, менталитете различных групп городского населения предопределили значительную сословную и национально-конфессиональную вариативность структурно-количественных и брачно-возрастных особенностей городской семьи. Сохранение сословных особенностей брачно-семейных отношений вплоть до начала XX в. говорит о том, что сословная организация общества, несмотря на свою архаичность, имела большое значение. В то же время в начале XX в. в городах все большее значение приобретают новые социальные и профессиональные группы, такие как пролетариат и интеллигенция, в среде которых формируются новые традиции, не связанные со старыми сословными ценностями.

Изучение занятий горожан Западной Сибири в ракурсе изучения семейной экономики показало, что в целом города региона развивались как многофункциональные поселения с преобладанием торгово-промышленных занятий. Чем крупнее был город, чем интенсивнее он рос, тем разнообразнее были занятия жителей, тем в большей степени преобладали собственно городские, прежде всего торгово-промышленные занятия населения.

Развитие новых сфер деятельности, рост интеллигенции, все большая вовлеченность женщин и детей в трудовую жизнь, увеличение их вклада в семейный бюджет меняли привычный семейный порядок, способствовали изменению системы внутрисемейных отношений. В сфере личных взаимоотношений в семьях горожан обнаружены определенные тенденции, выражавшиеся в ослаблении авторитарности, увеличении роли женщин, индивидуализации, формировании более демократичной системы взаимоотношений, хотя динамика изменений оказалась слабой.

Личные взаимоотношения в семьях горожан характеризовались большой вариативностью, зависевшей от сословной принадлежности, типа семьи, экономической основы ее жизнедеятельности, культурного и образовательного уровня, статуса конкретного члена семьи и т.д.

Во второй половине XIX–начале XX в. в семьях горожан действовали эволюционные процессы, стимулируемые урбанизацией и развитием капитализма. В течение пореформенного периода семейная организация населения изменялась. Эти изменения происходили в русле модернизации брачно-семейных отношений, которая являлась составной частью общей модернизации российского общества. Однако эти модернизационные процессы оказались незавершенными. Значительная традиционность общества и инерционность института семьи были заметны и в начале XX в. При этом в провинциальных городах модернизация брачно-семейных отношений значительно отставала от аналогичных процессов в крупнейших городах Европейской России.

III. Апробация работы и публикации по теме исследования

Апробация основных положений и выводов работы осуществлялась в докладах и сообщениях 32 международных, всероссийских и региональных симпозиумов, конференций и научных школ (в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Тобольске, Омске, Новосибирске, Томске, Барнауле, Бийске, Иркутске, Улан-Удэ). Отдельные положения исследования использовались при чтении лекционных курсов по истории России, истории государства и права России, истории Сибири, а также спецкурса по истории предпринимательства в Сибири, прочитанных в Алтайском государственном университете и Алтайском филиале Академии труда и социальных отношений. Диссертация обсуждалась и была рекомендована к защите на заседании кафедры отечественной истории АГУ. По теме работы изданы 83 публикации, общим объемом 112 п.л., в том числе 2 авторских и 2 коллективных монографии, 51 статья.

Основные положения исследования отражены в следующих *опубликованных работах*:

Монографии и учебные пособия

1. Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предприниматели Алтая. 1861–1917 гг.: Энциклопедия. Барнаул: Демидовский фонд, 1996. 112 с. (12 п.л., авторский вклад – 3,0 п.л.).
2. Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX–начала XX в. (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири). М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999. 244 с. (15,9 п.л.).
3. Старцев А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства в Сибири (XVII–начало XX в.): Учебное пособие. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. 215 с. (13,3 п.л., авторский вклад – 7,5 п.л.).
4. Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Купечество Алтая второй половины XIX–начала XX в. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. 240 с. (14,1 п.л., авторский вклад – 5,9 п.л.).
5. Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX–начала XX в. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 384 с. (25,5 п.л.).

Статьи и тезисы докладов

6. Резун Д.Я., Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. и др. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. В 4-х т. Новосибирск: Наука, 1994–1999 (281 статья, в том числе 114 в соавторстве, авторский вклад – 2,9 п.л.).
7. Гончаров Ю.М. Исповедные росписи как массовый источник по истории купеческой семьи в конце XIX–начале XX в. // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири: Материалы международной науч. конф. 14–15 апреля 1994 г. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 185–187 (0,2 п.л.).
8. Гончаров Ю.М. Документы делопроизводства городских магистратур как источник по истории сибирской купеческой семьи конца XIX–начала XX в. // Источник. Метод. Компьютер. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 59–73 (0,75 п.л.).
9. Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Купеческая семья Бийска середины XIX–начала XX в.: Историко-демографический очерк // Образование и социальное развитие региона. 1996. № 3–4. С. 230–238 (0,5 п.л., авторский вклад – 0,2 п.л.).
10. Гончаров Ю.М., Колдаков Д.В. База данных купеческих семей Томской губернии второй половины XIX–начала XX в. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII в.–1920-е гг.). Вып. 2. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 20–44 (1,2 п.л., авторский вклад – 1,0 п.л.).
11. Гончаров Ю.М. Состав купеческого сословия Сибири второй половины XIX–начала XX в. (по материалам базы данных купеческих семей Томской губернии) // Компьютер и экономическая история. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 56–83 (1,2 п.л.).
12. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Международный проект HISCO в России: к вопросу о кодификации исторических профессий // Известия АГУ. 1998. № 3. С. 58–62 (0,5 п.л., авторский вклад – 0,4 п.л.).
13. Гончаров Ю.М. Социально-правовое положение купеческого сословия во второй половине XIX–начале XX в. // Известия АГУ. 1998. № 3. С. 48–57 (1,0 п.л.).
14. Гончаров Ю.М. Типология семьи в отечественной историографии // Известия АГУ. 1999. № 4. С. 13–19 (0,6 п.л.).
15. Гончаров Ю.М. Быт купечества Сибири второй половины XIX–начала XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 2. С. 21–26 (0,5 п.л.).
16. Гончаров Ю.М. Социальное развитие городской семьи второй половины XIX–начала XX в. // Образование и социальное развитие региона. 1999. № 3–4. С. 200–206 (0,5 п.л.).
17. Гончаров Ю.М. Еврейское купечество Западной Сибири во второй половине XIX–начале XX в. // Диаспоры: Независимый научный журнал. 2000. № 3. С. 155–172 (1,0 п.л.).

18. Гончаров Ю.М. Мещанское сословие Западной Сибири во второй половине XIX–начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 3. С. 113–116 (0,5 п.л.).
19. Гончаров Ю.М. Население г. Колывани во второй половине XIX–начале XX в. // Алтайский сборник. Вып. XX. Барнаул, 2000. С. 129–143 (1,1 п.л.).
20. Гончаров Ю.М. Русское купечество как социально-половой тип (к вопросу о социальной специфике гендерного порядка) // Гендерная история: pro et contra. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2000. С. 51–62 (0,5 п.л.).
21. Гончаров Ю.М. Демографическое развитие городской семьи Сибири середины XIX–начала XX в. // Компьютер и историческая демография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 27–40 (0,75 п.л.).
22. Гончаров Ю.М. Уездный город Мариинск во второй половине XIX–начале XX в. // Известия АГУ. 2000. № 4. С. 28–33 (0,7 п.л.).
23. Гончаров Ю.М. Сословный состав городского населения Западной Сибири во второй половине XIX–начале XX в. // Города Сибири XVIII–начала XX в. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 28–33 (1,9 п.л.).
24. Гончаров Ю.М. Облик городов Западной Сибири середины XIX–начала XX в. в описаниях современников // Культурное наследие Сибири. Вып. 3. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 13–29 (0,5 п.л.).
25. Гончаров Ю.М. Еврейская семья в Сибири в конце XIX–начале XX в.: демографическое развитие // Материалы VIII Международной конференции по иудаике. М.: РАН, 2001. С. 71–73 (0,2 п.л.).
26. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Из опыта создания базы данных предпринимателей Алтая (1861–1917 гг.) // Предприниматели и рабочие России в трудах историков XX в. Кострома: Изд-во КГПУ, 2001. С. 163–173 (0,75 п.л., авторский вклад – 0,25 п.л.).
27. Гончаров Ю.М. Социальная история семьи в России в XVIII–начале XX в. // Семья в ракурсе социального знания. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 25–39 (0,8 п.л.).
28. Гончаров Ю.М. Сословная специфика гендерного семейного порядка в русском провинциальном городе второй половины XIX в. // Там же. С. 231–246 (0,7 п.л.).
29. Гончаров Ю.М. Сибирское купечество середины XIX–начала XX в. в представлениях современников // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Вып. 3. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 210–227 (0,75 п.л.).
30. Гончаров Ю.М. Историческое развитие семьи в России в XVIII–начале XX в. // Преподавание истории в школе. 2001. № 7. С. 21–32 (0,75 п.л.).
31. Гончаров Ю.М. Восточнославянская семья в городах Западной Сибири // Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2001. С. 106–114 (1,0 п.л.).
32. Гончаров Ю.М. Военные в составе населения городов Западной Сибири во второй половине XIX–начале XX в. // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в 17–20 вв.: общее и особенное. Вып. 2. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2002. С. 77–87 (0,75 п.л.).
33. Гончаров Ю.М. Евреи в сибирском социуме XIX–начала XX в.: диаспоральный народ в регионе интенсивной колонизации // Материалы IX Международной конференции по иудаике. М.: РАН, 2002. С. 68–73 (0,2 п.л.).
34. Гончаров Ю.М. Мещанское сословие Западной Сибири // Преподавание истории в школе. 2002. № 4. С. 46–54 (0,75 п.л.).
35. Гончаров Ю.М. Традиции и новации в социальном развитии городской семьи Сибири второй половины XIX–начала XX в. // Городская культура Сибири: традиции и новации. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2002. С. 42–55 (0,8 п.л.).
36. Гончаров Ю.М. “Хозяин жизни”: Купечество как тип мужественности // О муже(N)ственности. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 397–413 (0,9 п.л.).
37. Гончаров Ю.М. Основные тенденции демографического развития городской семьи Сибири во второй половине XIX–начале XX в. // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX–начало XX вв.). К 75-летию чл.-кор. РАН Л.М. Горюшкина: Материалы международной науч. конф. 19–21 ноября 2002 г. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2002. С. 223–226 (0,2 п.л.).
38. Гончаров Ю.М. Материальное положение чиновничества Сибири во второй половине XIX–начале XX в. // Известия АГУ. 2002. № 4. С. 15–23 (0,9 п.л.).
39. Гончаров Ю.М. Семейное хозяйство горожан Сибири середины XIX–начала XX в. // Вестник Новосибирского государственного университета. 2002. № 1. С. 24–36 (1,5 п.л.).
40. Гончаров Ю.М. Социально-правовое положение горожан Сибири во второй половине XIX–начале XX в. // Сибирский город XVIII–начала XX веков. Вып. 4. Иркутск: Изд-во ИГУ. 2002. С. 5–23 (1,3 п.л.).

41. Skubnevskii V. A., Goncharov Yu. M. Siberian merchants in the latter half of the nineteenth century // *Sibirica*. Vol. 2. № 1. London, 2002. P. 21–42 (1,9 п.л., авторский вклад 0,8 п.л.).